

Роберт Стивенсон

Павильон на холме

Роберт Льюис Стивенсон
Павильон на холме
Серия «Новые тысячи
и одна ночь», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6661564

Аннотация

«Я был чрезвычайно нелюдим с самого детства. Помню, даже гордился тем, что держусь от всех в стороне и ни в чем обществе не нуждаюсь. Могу прибавить, что не имел ни друзей, ни знакомых – постоянных, хороших знакомых. Впервые я познал, что такое дружба и любовь лишь тогда, когда встретился с той, которая стала моей женой и матерью моих детей.

За всю свою юность я только с одним сверстником находился в сравнительно хороших отношениях. Это был Р. Норсмаур, с которым мне пришлось учиться вместе. Тут же добавлю, что происходил он от шотландского дворянского рода, – а это давало ему право на титул эсквайра, – и обладал небольшим поместьем в Граден-Истере, в северной части побережья Немецкого моря...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	19
Глава III	31
Глава IV	45
Глава V	58
Глава VI	67
Глава VII	77
Глава VIII	87
Глава IX	97

Роберт Стивенсон

Павильон на холме

*** * ***

Глава I

Повествует о том, как я, кочуя, попал в Граденский лес и увидел свет в павильоне

Я был чрезвычайно нелюдим с самого детства. Помню, даже гордился тем, что держусь от всех в стороне и ни в чьем обществе не нуждаюсь. Могу прибавить, что не имел ни друзей, ни знакомых – постоянных, хороших знакомых. Впервые я познал, что такое дружба и любовь лишь тогда, когда встретился с той, которая стала моей женой и матерью моих детей.

За всю свою юность я только с одним сверстником находился в сравнительно хороших отношениях. Это был Р. Норсмаур, с которым мне пришлось учиться вместе. Тут же добавлю, что происходил он от шотландского дворянского рода, – а это давало ему право на титул эсквайра, – и обладал небольшим поместьем в Граден-Истере, в северной части побережья Немецкого моря.

Мало в чем мы походили друг на друга, и никогда не было между нами сильной, искренней дружбы, но все же нас сблизило какое-то родство настроений, которое сделало наше общение не только возможным, но даже не лишенным

удовольствия и некоторых удобств. Разумеется, мы называли себя мизантропами, – чуть ли не объявляли себя ненавистниками всего рода людского, – на самом же деле, как я потом понял, мы были только капризные, угрюмые, надутые юнцы.

Даже товарищами нельзя было нас назвать: мы просто жили бок о бок, не мешая друг другу.

Главной чертой характера Норсмаура являлась его неимоверная запальчивость. Она-то и препятствовала ему ладить с кем-либо, кроме меня; мне же, моим привычкам и поступкам, он не мешал, и я мог спокойно выносить его присутствие.

Кажется, мы звали друг друга друзьями.

Когда Норсмаур кончил курс и получил диплом, а я решил выйти из университета без диплома, он пригласил меня на долгую побывку в его Граденское поместье, и я тогда познакомился с местом моих позднейших приключений.

Граденское имение расположено на пустынной и мрачной полосе морского побережья. Господский дом был похож на огромный барак или старинную казарму.

Стены казались наполовину разъеденными и разваливающимися, так как они были построены из мягкого камня, легко разрушающегося от едкого приморского воздуха и резких его перемен. Внутри же было положительно сыро. Общим нам, – молодым джентльменам, привыкшим к комфорту городской жизни, – показалось невозможным тут жить, и мы тотчас принялись за поиски более удобного помещения.

Мы быстро нашли то, что нам было нужно. В северной части имения, в диком ландшафте старых дюн, уже покрывшихся травой и деревьями, но еще соседствующих с холмами голого, сыпучего песка, оказался небольшой двухэтажный павильон, выстроенный недавно и уже в новом стиле, он как раз подошел к нашим вкусам.

В этом одиноком домике мы провели с Норсмауром целых четыре зимних, ненастных месяца, много читая, но мало разговаривая и встречаясь друг с другом почти исключительно в часы принятия пищи. Вероятно я и больше бы здесь прожил, но в один мартовский вечер мы совершенно неожиданно, в первый раз в жизни, поссорились. Помню, в пылу спора, Норсмаур не в меру повысил голос, а я, надо полагать, в долгу не остался и уязвил его колкой фразой.

Вдруг Норсмаур вскочил со своего стула и бросился на меня с такой стремительностью, что я еле успел стать в оборонительное положение. Пришлось, говоря без преувеличения, буквально защищать свою жизнь. Мы были почти равной силы, и он нападал с такой яростью, точно черт в него вселился. С величайшим трудом удалось его усмирить.

На следующее утро мы встретились так, как встречались каждое утро, как ни в чем не бывало, но я счел более деликатным, – да признаться, и более благоразумным, – заявить ему, что уезжаю. Он меня не удерживал, и я в тот же день уехал.

Девять лет спустя я снова очутился недалеко от Гра-

ден-Истера.

Я путешествовал тогда по Англии в одноконной телеге, с походной палаткой и небольшой переносной печкой для моей незатейливой кухни. Сам я целый день шел пешком около телеги. Вечером я распрягал лошадь и устраивал ночевку, по возможности в уединенном месте, в какой-нибудь ложбинке между холмами или в кустах, если только вблизи не было леса.

Кочуя таким образом, как цыган, я посетил самые безлюдные и дикие области Англии и Шотландии. Никто не беспокоил меня письмами, так как я по-прежнему оставался без друзей и знакомых, а теперь, даже без постоянной или хотя бы «главной квартиры», если не считать таковой контору моего поверенного, от которого я два раза в год получал нужные мне деньги из моего годового дохода.

Этот образ жизни я считал верхом блаженства и совершенно серьезно думал, что весь свой век проживу в вольных кочевках, пока не стукнет смертный час, и я свалюсь в какую-нибудь придорожную канаву.

Больше всего меня занимало в кочевках, больше всего заботило – это отыскать самые дикие, совсем безлюдные закоулки, где бы я мог поставить свою палатку на несколько дней, пока мне не вздумается тронуться дальше, без опасения каких-либо помех и главное без риска знакомств.

И вот однажды, находясь в Шотландии, на берегу Немецкого моря, я вдруг вспомнил о павильоне Норсмаура, о ди-

ких дюнах и голых песчаных холмах вокруг. Вспомнил, что ближайшая от него проселочная дорога проходила мили за три, а первое от него поселение – маленькая рыбацкая деревушка – милях в шести или семи. Вспомнилась пустынная песчаная полоса, тянувшаяся около десяти миль, вдоль моря, безлюдный, отлогий берег, к которому даже большая лодка не может подойти, вследствие ничтожной глубины воды. Вряд ли во всем Соединенном королевстве найдется другое место, где можно было бы лучше скрыться от людей. Я решил немедленно отправиться в Граден-Истер и провести целую неделю в лесу, примыкающем там к дюнам. После продолжительного перехода я добрался до павильона в ненастный сентябрьский день, как раз к закату солнца.

Я уже говорил, что местность около павильона состояла из раскиданных вперемежку песчаных бугров и так называемых линксов, то есть тех же несчастных бугров, но уже окрепших и поросших зеленью. Сам павильон стоял на ровном месте, немного позади начинался лес густой каймой бузинных деревьев, точно повалившихся друг на друга из-за постоянных ветров, впереди, между фасадом павильона и морем, было только несколько низких песчаных холмов. К северу, на берегу выступала массивная каменная ограда, служившая защитой от песка, вследствие чего береговая линия образовывала здесь песчаную косу между двумя бухточками. Во время прилива вся коса заливалась водой, кроме каменной ее оконечности, которая тогда выступала маленьким,

но ясно обозначенным островком, при спаде же воды простирался на очень большое расстояние подвижный, засасывающий песок. Это была Граденская «топь», пользовавшаяся самой плохой репутацией во всей округе. Говорили, что пески, между островком и пляжем, могут засосать человека в четыре с половиной минуты, но такое утверждение, надо полагать, вряд ли было основано на точных примерах. Тем не менее, топь оставалась топью.

Главными обитателями Граден-Истера были дикие кролики и морские чайки, последние летали несметными стаями и с утра до вечера наполняли воздух гамом. В летние дни ландшафт, вероятно, не лишен красок и, быть может, даже приветливости, но в сумерках ненастного сентябрьского дня, ветреного и холодного, при унылом гуле морского прибоя, он наводит мысли лишь на кораблекрушения и гибель моряков. Как нарочно, при моем прибытии такое внушение усиливалось зрелищем на горизонте небольшого судна, тяжело лавировавшего против ветра, а вблизи берега – заливался волнами полуразрушенный остов затонувшей и затянутой песком рыбацкой баржи.

Павильон был итальянского стиля, в два этажа; его построил предыдущий собственник имения, дядя Норсмаура, очень щедрый, но бестолковый любитель искусства. Вокруг павильона была разделана ровная площадь для сада, но принялись только немногие грубые цветы, теперь одичалые. Ставни во всех окнах были наглухо заколочены, и павильон

вообще выглядел не как дом, недавно оставленный жильцами, а как ненужная постройка, в которой никто не обитал. Норсмаур, по крайней мере, никогда не бывал в своем имении.

– Где он теперь? – подумал я, и в голове мелькнул его образ. – Валяется в каюте своей яхты – надутый, сердитый? Или вдруг снова появился в лондонском высшем свете, и все заговорили о его сумасбродных выходках, а он опять внезапно исчез?

Я оглянулся кругом.

Местность имела такой дикий вид, а в трубах мертвого дома, при порывах ветра, завывало так сильно, так странно, что даже я, – добровольный скиталец и отшельник, почувствовал что-то вроде страха и, схватив лошадь за уздцы, быстро повел телегу к лесу, точно мне нужно было бежать, от чего-то спастись.

Граденский лес был искусственного происхождения, его когда-то насадили для защиты посевов от морского ветра и песка. По мере удаления от моря бузина сменялась другими низкорослыми деревьями и густым кустарником. Растительность здесь выдерживала тяжелую борьбу за существование. Деревья целыми сутками расшатывались жестокими зимними бурями, а ветра в этой местности вообще так сильны, что листва деревьев нередко отлетает еще весной. Внутри леса почва постепенно поднималась, образуя небольшой лесистый холм, который вместе с островком береговой косы,

служил приметой для рыбаков. Когда холм открывался на север от островка, надо было держать курс круто на восток, чтобы не наскочить на Граденские отмели и камни. В нижней части леса протекал ручей, и он засорялся до такой степени падающими листьями и им же наносимой тиной, что местами распадался на маленькие озерки, болота и лужи. Разумеется, в этом лесу никто не жил. Сохранились лишь развалины от двух небольших домов. По рассказам Норсмаура, эти дома были построены монахами и в давние времена служили обителью для благочестивых отшельников. Мне, однако, удалось найти нечто вроде жилища – пещеру, или, точнее, довольно большую выемку в подъеме холма; тут же пробивался ключ свежей и чистой воды. Здесь я поставил свою палатку и развел костер для приготовления ужина. Для лошади нашелся свежий корм недалеко от стоянки. Должен еще добавить, что выступы «пещеры» не только скрывали свет моего огня, но и защищали от ветра, который к ночи стал еще холоднее и сильнее.

Кочевая жизнь давно меня закалила от невзгод и лишений, приучила к умеренности в еде и вообще во всем образе жизни. Я ничего не пил, кроме воды, и очень редко ел кушанья из более дорогого продукта, чем овсяная мука: я пек лепешки из нее и запивал их или жидкой овсянкой, или водой. Спал я совсем мало: всегда до света я был уже на ногах, а вечером бодрствовал очень долго при свете звезд и даже в полной темноте.

Поэтому, хотя я в этот день, после продолжительного перехода с прежней стоянки, лег рано, около восьми вечера, и сразу заснул, уже в одиннадцать я проснулся, совершенно бодрый, не чувствуя никакой усталости.

Я присел к теплившемуся еще костру. Сквозь деревья виднелись несшиеся в беспорядке облака, они то сталкивались и сливались, то расходились и разрывались, принимая все новые, фантастические формы; со стороны моря доносилось завывание ветра и шум разбивавшихся волн. Скоро, однако, меня утомило бездействие, и я решил прогуляться к дюне. Молодой месяц, погруженный в ночной туман, близился уже к закату и еле освещал путь между деревьями, стало немного светлее, лишь когда я вышел из леса. Тут меня остановил ветер с резким соленым запахом открытого моря и частицами песка, бившими в лицо. Я только собирался осмотреться кругом, как ветер задул с такой силой, что я вынужден был нагнуть голову, чтобы не потерять равновесие. Порыв прошел, я поднял голову и вдруг заметил свет...

Свет шел из павильона. Это не был неподвижный свет. Он виднелся то в одном месте, то в другом, точно кто-то переходил из одной комнаты в другую, держа лампу или свечу в руках.

Я был изумлен: ведь, всего лишь несколько часов назад, я видел запертые наглухо ставни... Я видел, что павильон совершенно пуст, теперь он оказался обитаемым, и притом создавалось такое впечатление, что в нем находится много

людей.

Первое, что пришло мне в голову, – это не забралась ли в павильон воровская шайка, грабящая все, что в нем есть ценного. Вспомнилось, что у Норсмаура было много старинной посуды и других дорогих вещей. Но с какой стати воры забрались бы в такую далекую и пустынную местность? Зачем при грабеже освещать окна? Это совершенно не в манерах воров: воры, напротив, тщательно закрыли бы все ставни, чтобы никто их не заметил.

Мысль о ворах я признал несостоятельной. Не переставая наблюдать за павильоном, я стал подыскивать другие объяснения.

Не приехал ли, во время моего сна, сам Норсмаур и теперь осматривает или проветривает комнаты?

Я уже говорил, что между этим человеком и мной никогда не было настоящей привязанности, но если бы даже я любил его как родного брата, все же мое одинокое спокойствие было мне дороже, и я употребил бы все средства с ним не увидеться. Поэтому я тотчас повернул обратно в лес, чтобы меня не заметил кто-либо из приехавших. Я благополучно добрался до своей пещеры и с великим наслаждением снова присел к костру. Я с удовольствием думал, что удалось избежать встречи. Утром же можно будет удрать из этого места, пока Норсмаур не выйдет из павильона, или сделать ему визит, но коротенький и продолжительность которого я буду сам определять. Мне сделалось даже весело, я переживал

радости одиночества.

Утром, однако, мое настроение изменилось. Положение представилось настолько забавным, что я даже упрекнул себя за вчерашние опасения. Норсмаур теперь в моей, так сказать, власти. С ним можно устроить славную шутку, и я даже придумал какую, хотя и знал, что он человек, шутки с которым далеко небезопасны.

Заранее радуясь несомненному успеху задуманной мной шутки, я направился к выходу из леса и занял очень удобную наблюдательную позицию в густой бузинной чаще, которой заканчивался лес, совсем близко от павильона. Прямо напротив меня была парадная дверь.

Здесь ставни слева были заперты; это мне показалось несколько странным и при свете раннего утра сам павильон, с его белыми стенами и венецианскими окнами казался чистеньким и обитаемым.

Я стал ждать выхода Норсмаура. Однако час шел за часом – ставни не отпирались, из двери никто не выходил: ни Норсмаур, ни прислуга.

Я знал, что утром Норсмаур любит валяться в постели, – а прислугу, быть может, он на ночь отпустил, – и потому решил терпеливо ждать, так как для успеха моей шутки Норсмаур должен был сперва сам показаться. Однако к полудню терпение мое совершенно иссякло. По правде сказать, я дал себе слово позавтракать в павильоне вместе с Норсмауром и ушел из пещеры, даже не закусив, и теперь голод не давал

мне покоя. Досадно было упустить благоприятную обстановку для моей веселой шутки, но «голод не тетка»; надо было отказаться от всяких эффектов и просто явиться к Норсмауру.

Я вышел из засады и направился к павильону. Чем ближе я подходил, тем сильнее возрастало мое удивление и, отчасти, беспокойство. Павильон представлялся совершенно таким же, как накануне, когда перед вечером я к нему подошел впервые и был поражен его покинутым, мертвым видом. С приездом жильцов должны были появиться и признаки жилья... Но нет – ставни снова казались заколоченными, из печной трубы не шло дыма, на парадной двери висел массивный замок... Следовательно, Норсмаур вошел ночью через черный ход – таков был мой естественный логический вывод. Каково же было мое изумление, когда, обойдя дом, я увидел и на задней двери висячий замок!

Я тотчас вернулся к первой моей гипотезе о ворах и даже крепко выругал себя за свое пассивное поведение ночью: надо было поднять тревогу, нужно было разогнать воров, надо и теперь что-нибудь сделать. Я стал рассматривать все окна нижнего этажа: все ставни были закрыты, ни на одном не оказалось следов взлома, я попробовал замки – оба были целы и заперты.

Как же могли воры, – если это были воры, – проникнуть в павильон? Забыв про голод, я весь ушел в решение этой задачи. «Если не через двери и не через нижние окна, – рас-

суждал я, – то через второй этаж или через крышу»... К павильону почти примыкал амбарчик. Я вспомнил, что Норсмаур в нем хранил свои фотографические принадлежности и проявлял снимки. На крышу амбарчика легко взобраться, а оттуда, взломав окно кабинета Норсмаура или бывшей моей спальни, – проникнуть в дом.

И я сам последовал этому предполагаемому примеру. Очутившись на крыше амбара, я стал пробивать ставни, обе были изнутри заперты!..

Но я решил настоять на своем. Я дернул с силой одну из половинок ближайшей ставни – она подалась и отворилась, но я себе больно, до крови оцарапал руку. Помню, что приложил рану к губам и с полминуты лизал ее, точно укушенный пес. В это же время я совсем машинально обернулся и поглядел на дюны и на дюнах ничего не заметил, а на море в нескольких милях от берега, по направлению к северо-востоку, заметил довольно большую шхуну или, быть может, яхту. Затем я приподнял окно и влез в комнату.

Не нахожу слов, чтобы передать, какое охватило меня изумление и как оно нарастало при последовательном обходе внутренних покоев. Нигде ни малейшего беспорядка. Напротив, все комнаты оказались убранными совершенно чисто, с безупречной аккуратностью, главное, недавно. Все лампы, все топки в каминах и печах были только что заправлены – оставалось лишь зажечь. Умывальники в спальнях были налиты свежей водой, постели приготовлены – даже

одеяла отворочены. Но в спальне, их было заготовлено три, еще больше меня поразила роскошь убранства, совершенно непривычная для Норсмаура. Обеденный стол также оказался богато накрытым на три прибора, а в кладовой, на полках я нашел целый ряд заготовленных посуды с холодным мясом, дичью, овощами.

Ясно было, что ожидались гости. Но какие гости, почему гости? Норсмаур чуждался всякого общества, как и я... А затем, почему все эти приготовления сделаны ночью, скрытно от всех? И, наконец, почему ставни и двери снова заперты?

Я выбрался из павильона через то же самое окно, не забыв уничтожить все следы своего посещения, и направился в свою пещеру, чувствуя себя, с одной стороны, отрезвленным от фантастических мыслей о воровских шайках, но с другой, – страшно заинтересованным, чуть ли не лично задетым всем этим совершенно непонятным стечением обстоятельств.

Когда я вернулся на море, я снова увидел шхуну и, по видимому, на прежнем месте. В уме вдруг блеснула мысль: не есть ли это яхта «Красный Граф», принадлежавшая Норсмауру? Не привезла ли она теперь хозяина павильона и его гостей? Но я не мог рассмотреть хорошо мне знакомый нос «Красного Графа» и его резьбу – шхуна была далеко и обращена к берегу кормой.

Глава II

Повествует о ночной высадке с яхты

Вернувшись в пещеру, я поставил варить овсянку и пошел напоить лошадь, о которой утром, против обыкновения, недостаточно позаботился. Утолив наконец свой страшный голод, я снова направился к опушке леса и снова констатировал отсутствие какой-либо перемены. Несколько раз еще я выходил наблюдать, но ни около павильона, ни на берегу, ни на дюнах не видел ни единого человеческого существа. Шхуна в открытом море – вот все, что связывало поле моих наблюдений с деятельностью или присутствием людей. Час за часом шхуна лавировала, по-видимому, бесцельно, – то к берегу, то от берега, – но как только стемнело, она решительно начала приближаться к берегу. Это еще более убедило меня, что на шхуне Норсмаур и его гости, и ночью они намерены высадиться. Быть может, ночная высадка находилась в причинной связи с таинственными приготовлениями прошлой ночью, но чтоб это решить, надо было ждать, пока прилив покроет всю отмель и другие опасные места, служившие надежной охраной Граденского берега от вторжений с моря.

В течение дня ветер непрерывно ослабевал, и волнение в

море постепенно затихало, но к вечеру снова поднялась бурная погода. Ночь была совсем черная. На море то и дело налетали шквалы с шумом пушечной пальбы, лил сильнейший дождь, а прибой гудел еще более зловеще, чем накануне.

С наступлением темноты я занял свою наблюдательную позицию в бузиннике. Я видел, как на верхушке мачты поднялся яркий фонарь, который показал мне, что шхуна еще больше приблизилась к берегу, чем перед сумерками. Я предположил, что фонарь дает сигнал для сообщников Норсмаура, скрывавшихся где-нибудь на берегу, и выступил из засады, чтобы лучше осмотреть пространство между павильоном и морем.

По краю леса шла узенькая тропинка, служившая кратчайшей дорогой между павильоном и главной усадьбой. Когда я посмотрел в сторону усадьбы, я вдруг заметил слабый огонек на расстоянии не более четверти мили. Огонек быстро приближался ко мне. Из неровного его освещения и непрямого пути можно было заключить, что он исходит из ручного фонаря, который нес пешеход, следовавший по всем извилинам тропинки. Иногда свет на минуту исчезал – очевидно, его прикрывали плащом, чтобы он не потух от порыва ветра, когда налетал шквал. Я снова спрятался в бузиннике и нетерпеливо, волнуясь, ожидал человека с фонарем. Это была женщина, а когда она поравнялась с местом моей засады, на расстоянии лишь немного более сажени, я сразу узнал ее черты. Это была старая управительница, или, точ-

нее, сторожиха имения Норсмаура, она же и бывшая в его детстве няня. Я знал, что она очень молчалива и, вдобавок, глуха. Так вот кто был сообщником Норсмаура в этом таинственном деле!

Я тотчас же пошел за ней следом на очень близком расстоянии, не боясь быть ею замеченным, светлее не становилось, и от того, что она может услышать мою походку, — я был застрахован ее глухотой, а еще больше — ревом ветра и морского прибоя. Скоро она вошла в павильон, сразу прошла на верхний этаж, отворила ставни одного из окон, выходящих в сторону моря, и поставила на подоконник большую лампу. Это был ответный сигнал. Тотчас же на шхуне был спущен с мачты фонарь и потушен. Следовательно, все шло благополучно, по мнению участников ночного предприятия.

Старуха стала доканчивать приготовления к встрече: сквозь остальные, все еще запертые ставни, можно было рассмотреть огонек, блуждавший из одной комнаты в другую; вскоре из одной трубы вылетели искры, затем из другой — все печи, очевидно, были затоплены.

Я теперь совершенно был уверен, что Норсмаур со своими гостями тотчас высадится, как только прилив даст возможность подплыть к берегу, хотя бы на шлюпке. Но буря была чрезвычайно опасна для лодки, и к моему крайнему любопытству примешалась серьезная тревога за судьбу тех, которые рискнут высаживаться. Мой бывший знакомый несомненно был один из сумасброднейших людей в Соединен-

ном королевстве, но то сумасбродство, которому мне, по-видимому суждено было стать свидетелем, грозило очень тревожной, даже совсем трагической развязкой.

Движимый самыми разнообразными чувствами, я пошел к бухточке, служившей почти единственным и, во всяком случае, лучшим местом для высадки, и здесь растянулся лицом к земле в небольшой выемке песчаного грунта. От нее до дороги, ведущей с берега к павильону, оставалось не больше шести футов, что давало мне возможность хорошо рассмотреть всех, кто будет проходить мимо, и немедленно приветствовать их, если окажутся знакомыми.

Незадолго до одиннадцати, когда прилив был еще совсем мал, вдруг близ берега показался фонарный огонь. Устремив все внимание на море, я почти тотчас различил и другой огонь, еще дальше от берега. Он сильно и непрерывно колебался, то вздымаясь, очевидно на волне, то исчезая за бурным валом. Вероятно, усиление бури и чрезвычайно опасное для шхуны положение около подветренного берега побудили путешественников сделать попытку к высадке как можно скорее.

Высадка из первой лодки прошла, очевидно, благополучно, так как скоро на дороге появились четыре матроса, которые с трудом несли сундук, не особенно большой, но, по-видимому, чрезвычайно тяжелый, пятый матрос, с фонарем в руке, шел впереди, освещая путь. Все они прошли совсем рядом со мной и затем достигли павильона, где их поджидала

старая няня. Потом они отправились снова к бухте, и скоро в третий раз прошли около меня с другим сундуком, который был больше первого, но, очевидно, не такой тяжелый, как первый. Наконец, они еще раз прошли в павильон с поклажей, которая сильнейшим образом затронула мое любопытство: один матрос нес кожаный чемодан, другие – чемодан и разные сумки, несомненно принадлежавшие какой-нибудь даме... У Норсмаура дама в гостях?! Значит, совершенно переменились его взгляды на женское общество, на женщин вообще. Когда я с ним жил вместе, павильон был храмом мизогинии. А теперь в павильоне поселяется «ненавистный пол»... Я не знал, что и подумать. Припомнил только, что при дневном осмотре павильона, я сам с удивлением заметил в убранстве комнат некоторые вещи, рассчитанные на дамские привычки и женское кокетство. Теперь понятно стало их назначение и вообще ясно, в чем дело: я мог только обругать себя «дураком» за то, что раньше сам этого не сообразил.

Пока я таким образом рассуждал, ко мне приблизился другой фонарь. Его нес матрос, не участвовавший в первой партии носильщиков. Он вел за собой двух лиц, это, несомненно, были те гости, которые ожидались в павильоне. Я обратил все свое внимание, чтобы получше их рассмотреть, когда они пройдут мимо.

Один из них был мужчина очень высокого, даже необыкновенно высокого роста. Он кутался в шотландский плащ с

поднятым на дорожную шапку капюшоном, кроме того, капюшон был застегнут на все нижние пуговицы и потому совершенно скрывал черты его лица. Высокий человек передвигался очень медленно – тяжелыми, неуверенными шагами. Сбоку – он не то держался за спутника, не то поддерживал его (я не мог этого разобрать) – шла высокая женщина, с изящной и тонкой фигурой молодой девушки. Лицо ее поразило меня своей бледностью и озабоченностью; последнее впечатление до такой степени покрывало все остальные, что, когда женщина скрылась, я не мог сказать: безобразна ли она как смертный грех или так прекрасна, как потом я ее находил.

Перед тем как эти путники поравнялись со мной, девушка сделала высокому мужчине какое-то замечание, которое я из-за воя ветра не мог слышать.

Я услышал лишь ответ мужчины. Это было слово «ой» – глубокий стон. Его голос меня совершенно поразило. Он, казалось, исходил из глубины груди, охваченной, стесненной величайшим ужасом. Никогда я не слышал прежде такого выразительного восклицания ужаса и страха. До сих пор оно звучит в моих ушах, когда ночью появляется у меня лихорадка или когда в памяти воскресают события того времени.

Тут мужчина обернулся к спутнице, и я мельком заметил большую рыжую бороду, нос необычной формы, – точно он сломан был в детстве, и светлые глаза, выражавшие сильнейшую тревогу.

И эти спутники скоро достигли павильона. Когда сопровождавшие их матросы вернулись к бухте, ветер донес звуки грубого голоса, командовавшего отчаливать. Затем показался снова фонарь – третий.

Его нес Норсмаур. Он шел один.

Удивительный это был человек! Часто мы с женой его потом вспоминали, и несмотря на некоторые различия в оценке его особенностей и поступков, – такие второстепенные различия зависели, быть может, оттого, что жена судила о них с женской точки зрения, а я с мужской, – мы неизменно сходились в общем удивлении: как мог один и тот же человек одновременно представляться и таким прекрасным, и таким отталкивающим, каким являлся Норсмаур? С одной стороны, это был совершеннейший джентльмен, лицо которого дышало интеллигентностью, умом, благородной отвагой; с другой – стоило только приглянуться к этому лицу, – даже в те минуты, когда Норсмаур был особенно любезен и привлекателен, – вы в его чертах ясно читали характер корсара или капитана корабля, везущего рабов-негров на продажу. В своей жизни я не встречал более вспыльчивого и в то же время более злопамятного и мстительного человека. В нем соединились бурные страсти южанина с выдержанной злобой и смертельной ненавистью северянина. На его лице постоянно отражались эти две основные черты характера, придавая ему грозный вид. По наружности это был высокий, крепкий, очень деятельный, сильный брюнет, с несомненно красивы-

ми чертами лица, которое, однако, как я уже сказал, часто искажалось его грозным и злобным выражением.

В ту минуту, когда он проходил с фонарем, он мне показался более бледным, чем обыкновенно, я отчетливо увидел его сильно нахмуренные брови. Губы его что-то нервно шептали. Вдруг он оглянулся кругом с видом человека, озабоченного глубокими опасениями. Мне показалось, что взгляд его тут же прояснился и выразил торжество, точно он увидел, что трудное дело успешно совершилось.

Отчасти из чувства деликатности, – должен признаться, что оно пробудилось у меня слишком поздно, – отчасти, чтобы доставить себе удовольствие, поразив неожиданностью старого знакомого, я решил тотчас обнаружить свое присутствие.

Я внезапно вскочил на ноги и выступил вперед:
– Норсмаур! – воскликнул я.

Произошло что-то поразительно неожиданное. Я видел, как он мгновенно бросился на меня, как что-то блеснуло в его руке, и я почувствовал боль: он ударил меня кинжалом по направлению к сердцу. Но в то же мгновение и я так сильно ударил его кулаком, что он сразу упал – показалось даже, что перекувырнулся.

Выручили ли меня моя ловкость и проворство или некоторая нерешительность с его стороны, это уж я не знаю, но лезвие кинжала лишь скользнуло по моему плечу, в то время как удары рукояткой и кулаком пришлись мне прямо в рот.

Я убежал, но недалеко. Я так часто прежде гулял по этой местности и в эти сутки несколько раз ее исходил внимательно наблюдая разные выступы и выемки в песчаных холмах, годные для засады, что легко скрылся и в нескольких саженьях от места стычки, снова спрятался в траву. Фонарь исчез. Очевидно, он выпал из рук Норсмаура и потух. Но каково было мое изумление, когда, посмотрев на павильон, я увидел, что добежав до него, Норсмаур одним прыжком вскочил на крыльцо, бросился к двери, и тотчас послышался лязг поспешно задвигаемого железного болта!

Он меня не преследовал. Он от меня убежал. Норсмаур, которого я знал, как самого отчаянно смелого и непреклонного в злобе из людей, бежал!

Я прямо не верил своим чувствам. Не знал что и думать. Однако, успокоившись, я рассудил, что во всей этой удивительной, прямо невероятной, истории лишняя несообразность, – одной невероятностью больше или меньше, – не имеет значения. Действительно, почему павильон с такой тайной приготавлился к приезду Норсмаура и его гостей? Почему Норсмаур произвел высадку ночью, при сильной буре, при опаснейшем ветре, когда засасывающие пески почти не успели покрыться водой? Почему он хотел меня убить? Или он не узнал моего голоса? И, главное, почему в его руке был наготове кинжал? Сам выбор такого, по меньшей мере, несовременного в цивилизованной Англии оружия, как кинжал, является чрезвычайно странным. Все дико, все несооб-

разно.

Джентльмен отправляется на собственной яхте в собственное имение. Менее понятно, почему он высаживается именно ночью и при таинственных приготовлениях. И совсем уже необычно и непонятно, что тот же джентльмен перед входом в собственный дом вооружается на смертный бой. Чем больше я рассуждал, тем сильнее терялся. Я воспроизводил себе весь ход этой кошмарной истории, пересчитывал по пальцам все ее последовательные стадии: секретное приготовление павильона для гостей, высадка этих гостей при сильнейшем риске для их жизни и гибели яхты, несомненный и, по-видимому, совершенно беспричинный страх гостей, – или, по крайней мере, одного из них, – после благополучной высадки, Норсмаур с заготовленным холодным оружием, Норсмаур, покушающийся на убийство человека, который прежде был ему ближе всех, наконец, – и это чуть ли не самое странное, – Норсмаур, убегающий от того, которого он только что собирался убить, и баррикадирующийся за дверь павильона как беглец, которого преследуют по пятам. Тут, по меньшей мере, шесть отдельных положений, одно другого удивительнее, еще более удивительно их сочетание и последовательная связь. Я снова начал себя спрашивать, верить ли своим чувствам, – не кошмар ли все это?

Долго я так стоял, точно застыв от изумления. К живой действительности меня возвратила боль – следствие боя с Норсмауром. Я осторожно обошел песчаные холмы и по

тропинке, отходившей несколько в сторону, достиг чащи леса. Однако и тут не обошлось без новой загадки. В нескольких саженях от меня со своим ручным фонарем снова прошла старая няня, направляясь из павильона к себе домой. Это был седьмой загадочный пункт этой истории. Действительно, с уходом няни, Норсмаур и его гости оставались без прислуги – должны сами подавать себе ужин, мыться и прибирать без посторонней помощи, а старая женщина должна была вернуться в свой старый барак. Очевидно, на все это должны были существовать весьма серьезные причины, поглощающие такие большие неудобства.

С этими мыслями я вернулся к своей пещере. Для большей безопасности я разобрал костер и тщательно потушил угли. Затем я зажег фонарь и стал рассматривать свою рану на плече. Ранение оказалось незначительным, однако из раны сочилась кровь, и потому я, как только мог, при очень неудобном для меня расположении раны, омыл ее водой из ключа и перевязал чистой тряпкой. В то же время, не переставая думать обо всех событиях этих суток, мысленно объявил войну Норсмауру и его тайне. Я от природы не злой человек, и на «войну» меня скорее толкало любопытство, чем жажда мести. Однако войну я твердо решил вести. Тотчас достал свой револьвер, методически его почистил и зарядил с самой тщательной аккуратностью. Затем вспомнил о лошади – она могла порвать привязь или ржанием выдать мой лагерь в лесу. Я решил удалить ее от соседства с павильоном и

задолго еще до рассвета увел ее по направлению к рыбачьей деревне.

Глава III

Повествует о том, как я познакомился с моей женой

Два дня я бродил около павильона, никем не замеченный, под прикрытием дюн. Местность, как нельзя лучше, подходила к тактике выслеживания и засад. Это была целая сеть небольших холмов и волнистых возвышений, перемежавшихся с мелкими оврагами, надежно прикрывавшая все мои вылазки и передвижения. Однако несмотря на все выгоды моих позиций, мне удалось совсем лишь немного разузнать о Норсмауре и его гостях.

Ежедневно старая няня доставляла в павильон провизию, но исключительно во время глубокой темноты, и в темноте уходила.

Ежедневно, по одному разу, выходили на прогулку Норсмаур и юная леди, – иногда вместе, но чаще отдельно, – прогулка длилась около часа и не больше двух, и всегда на одном и том же участке берега, около песчаной косы, рядом с подвижными песками. Очевидно, место было выбрано, чтобы гуляющие оставались никем не замеченные, так как оно было закрыто со всех сторон, кроме моря, но, как читатель помнит, весь день море здесь было совсем недоступно на очень большое расстояние, и только во время прилива могла бы

приблизиться лодка. Я же все время видел гуляющих, так как здесь к пляжу примыкал самый высокий и неровный песчаный холм, в котором я мог прятаться, лежа в каком-нибудь углублении песка, я отлично мог следить за Норсмауром и его спутницей.

Высокий мужчина совсем не показывался, точно совершенно исчез. Он не только не показался ни разу на пороге павильона, но и в окно ни разу не выглянул, не приблизился даже к какому-либо окну, по крайней мере настолько, чтобы я мог его увидеть, остальных же я видел около окон. Днем я не мог слишком приблизиться к павильону, так как из верхнего этажа видны были верхушки и большая часть поверхности холмов, ночью же, когда я пробирался к самому павильону, все ставни были плотно прикрыты и заперты изнутри болтами, точно опасались вторжения или осады. Иногда мне приходила мысль, что высокий мужчина не встает с постели, – вспоминалась слабость его походки после высадки, иногда казалось, что в павильоне больше его нет, и Норсмаур остался один с молодой леди. Эта мысль была для меня неприятна.

Но была ли эта пара гуляющих – муж и жена, или нет? Отношение между ними не казались ни близкими, ни дружественными. К этому выводу меня привел целый ряд наблюдений. Хотя я не мог расслышать ни одного слова из фраз, которыми они, по-видимому, иногда обменивались, и очень редко удавалось хорошо разглядеть их черты и уловить в них

определенное выражение, но ясно было видно, что они держались друг с другом всегда холодно, даже как-то принужденно, что внушало мысль о неблизких и чуть ли не враждебных отношениях.

Молодая леди шла значительно скорее, когда была с Норсмауром, чем тогда, когда гуляла одна. Ясно, что когда мужчина и женщина расположены друг к другу, они скорее будут замедлять свои шаги, чем ускорять их. Кроме того, во время прогулок леди всегда держалась от Норсмаура чуть ли не на целую сажень и вдобавок влачила по песку конец своего зонтика неизменно по той стороне, которая была между ней и Норсмауром, точно хотела отгородить себя от него барьером.

Идя рядом, Норсмаур все приближался к юной леди, а та соответственно удалялась, так что их путь по пляжу всегда шел точно по диагонали и, при достаточном продолжении, непременно привел бы к засасывающему песку, но тут юная леди круто оборачивалась на каблуках и быстро направлялась назад, оставив Норсмаура между нею и морем.

Я следил за этими маневрами с положительным удовольствием и большим одобрением, смеялся и аплодировал про себя каждому повороту юной леди.

На третий день утром она вышла одна на прогулку. С большим изумлением и с большим еще огорчением я заметил, что она в слезах. Читателю ясно, что уже в эту пору мое сердце было заинтересовано в значительно большей степе-

ни, чем я предполагал. Походка ее казалась мне крепкой, но вместе с тем легкой, воздушной, и голову при этом она держала с невыразимой грацией; каждым ее шагом я уже тогда любовался, от всей ее изящной фигуры веяло мягкостью и благородством.

Этот день выдался какой-то особенный – солнечный, светлый, тихий. Воздух был бодрый, живительный, хотя при совершенно спокойном море и полном отсутствии ветра. Понятно, что юная леди, нарушив режим прежних дней, захотела погулять еще раз. Но теперь ее сопровождал Норсмаур. Только что успели они выйти на пляж, как вдруг Норсмаур схватил ее руку и стал насильно ее удерживать. Она сделала усилие, чтобы вырвать руку, из груди ее вылетел крик. Я вскочил на ноги, совсем забыв о странности моего положения, но раньше, чем успел броситься вперед, увидел, что Норсмаур от нее уже отошел, снял шляпу и очень низко поклонился, точно просил у нее прощения. Я тотчас же опустил на прежнее место. Норсмаур и леди обменялись несколькими фразами, после чего, отвесив новый поклон, Норсмаур оставил берег и кратчайшей дорогой вернулся в павильон. Это дало мне возможность хорошо его разглядеть, так как он прошел очень близко от моей засады. Он был в сильном волнении, – поочередно краснел и бледнел, лицо было нахмуренное, грозное; он злобно сбивал своей тростью верхушки травы. Не без торжества увидел, я и работу собственного моего кулака на его физиономии, большой шрам

под правым глазом и соответственный разноцветный «фонарь» вокруг глазной орбиты.

Некоторое время леди оставалась неподвижной, глядя то на островок, то на сияющую поверхность воды. Затем, вздрогнув, она с видом человека, освободившегося от забот и сомнений и воодушевленного энергией, направилась твердой и быстрой походкой прямо к морю. Очевидно, она была чрезвычайно взволнована и совсем забыла, где находится. Я увидел, что она прямо идет к самому опасному краю песчаной топи, еще несколько шагов – и жизнь ее подверглась бы ужасной опасности.

Я не побежал, а прямо скатился с моего холма, который здесь был очень крут, тотчас затем бросился за молодой леди и с половины оставшегося между нами расстояния громко крикнул ей остановиться.

Она так и сделала и, обернувшись, направилась ко мне без всякого страха, походка ее была гордая и решительная, точно у королевы. Я был босой и одет, как простой матрос, кроме дорогого египетского шарфа вокруг моей куртки, вероятно, она сперва приняла меня за рыбака, собирающего креветки и другую наживу для рыбы. Что же касается ее, то когда она стала со мной лицом к лицу и направила на меня свой властный взгляд, я проникся восхищением – я и не подозревал, что она так хороша собой.

– Что это значит? – спросила она.

– Вы шли прямо к самому опасному месту Граденской то-

пи...

– Вы не здешний житель? – спросила она снова. – Вы говорите, как образованный человек.

– Я думаю, что имею право на такое название, хотя хожу переодетый.

Но ее женский глаз уже заметил мою египетскую опояску.

– О, вас прежде всего выдает ваш шарф.

– Вы изволили употребить слово «выдает», – сказал я в свою очередь, – могу ли просить вас, чтобы вы меня не выдали? Я должен был обнаружить свое присутствие в ваших интересах, но если мистер Норсмаур узнает о моем пребывании здесь, могут произойти вещи более чем неприятные для меня.

– А знаете ли вы, – спросила она, – с кем вы говорите?

– Не с супругой ведь мистера Норсмаура? – спросил я вместо ответа.

Она отрицательно покачала головой. И, продолжая глядеть на меня в упор, с настойчивостью, которая начала меня смущать, она вдруг заявила:

– У вас честное лицо. Будьте честны сами, сэр, и скажите мне откровенно, что вам здесь нужно, и кого или чего вы боитесь? Не можете же вы думать, что я на вас нападу – у вас гораздо больше средств меня обидеть. Вы не выглядите недобрым человеком. Но что вы тут делаете? Зачем вы, джентльмен, очутились здесь и бродите точно шпион в этой пустынной, дикой местности? Скажите мне, кого вы здесь

ищите, кого вы ненавидите, преследуете?

– Ни к кому я не питаю ненависти, – ответил я, – никого не ищу и никого не боюсь, если встречу один на один. Меня зовут Кассилис – Франк Кассилис. Я веду жизнь бродяги по собственному желанию и вкусу. Я один из самых старых друзей Норсмаура, и три дня тому назад, когда я здесь, на этой дюне подошел к нему и поздоровался, он на меня бросился с кинжалом, хотел убить, но только ранил в плечо.

– Ах, это были вы!

– Почему он так со мной поступил, – продолжал я, не обращая внимания на восклицание собеседницы, – я не знаю, не могу догадаться и, очевидно, не могу знать. Я вообще не имел друзей и не очень я склонен к дружбе, но нет человека, который заставил бы меня уступить ему место, действуя на меня устрашением. Я приехал в Граденский лес раньше, чем Норсмаур в свой павильон, и в этом лесу до сих пор обитаю. Если вы, сударыня, опасаетесь, что я могу повредить вам или вашим близким, у вас есть средство от меня избавиться. Скажите Норсмауру, что я ночую в пещере около речки, – кажется, это место зовут Гемлок, – и он может сегодня же ночью заколоть меня своим кинжалом во время моего сна.

Сняв перед юной леди шляпу взамен прощания, я быстро затем вскарабкался между песчаными холмами. Не знаю почему, но я испытывал такое чувство, как будто меня кто-то совершенно несправедливо, глубоко обидел, и уподоблял себя не то мученику, не то герою, между тем мне самому

нельзя было бы оправдаться, если бы у меня спросили причины моего пребывания в этой местности... Завел меня сюда случай, вмешало в эту непонятную, таинственную историю простое любопытство, правда, нарастала уже совершенно уважительная причина оставаться здесь, но в этот день я вряд ли сумел бы объяснить ее самой леди.

Конечно, я весь вечер, всю ночь думал о юной леди, и хотя ее положение и поведение могли казаться весьма подозрительными, но я в сердце своем не нашел ни единого повода сомневаться в ее благородстве и честности. Я заложил бы свою жизнь за то, чтобы она была свободна от каких-либо неприятностей, а когда выяснится тайна этой темной истории, ее личное в ней участие окажется необходимым и благородным. Правда, как я ни насиловал свой ум и воображение, я не мог объяснить ее отношение к Норсмауру, но если не рассудком, то инстинктом пришел к твердой уверенности в ее безупречности. С этими заключениями, с милым образом предмета всех моих мыслей я, наконец, заснул.

На следующий день, в обычный час прогулки она вышла одна, и как только зашла за холм, скрывший ее от вида павильона, быстро приблизилась к месту, откуда я вышел накануне, и стала осторожно звать меня по имени. Я с удивлением заметил, что она бледна, как смерть, и, по-видимому, охвачена сильнейшим волнением.

– Мистер Кассилис! Мистер Кассилис! – стала она все громче и громче звать.

Я выскочил из своей засады и быстро подбежал. Как только она меня увидела, лицо ее преобразилось.

– Ох! – воскликнула она, точно с груди ее скатилось тяжкое бремя. – Слава Богу, вы живы и невредимы.

И она еще прибавила:

– Я знала, что если вы не уехали, то будете здесь!

Не странно ли это? На второй день знакомства у нас были одинаковые предчувствия, я надеялся, что она снова придет на место нашей первой встречи и будет искать меня, она же была уверена, что меня найдет. Так, очевидно, мудро и приятно природа подготавливала наши сердца к нашей близости на всю жизнь.

– Не оставайтесь больше здесь! – сказала она задушевым, нежным голосом. – Обещайте мне, что не будете больше спать в Граденском лесу. Вы не знаете, сколько я перестрадала: я всю ночь не могла закрыть глаз, думая об опасностях, которые вам угрожают.

– О каких опасностях? – повторил я. – От кого? От Норсмаура?

– Нет! Неужто вы думаете, что я могла ему сказать о вас после того, что вы вчера мне сообщили?

– Не от Норсмаура? – повторил я. – Так от кого же? Почему? Не могу себе представить.

– Не спрашивайте меня, – возразила она. – Я не имею права говорить вам все, что я знаю. Но, поверьте мне, вам надо уехать отсюда. И, поверьте, надо уехать скорее, тотчас,

если хотите сохранить свою жизнь.

Воззвание к тревоге и благоразумию всегда имеют плохой успех, если они обращаются к молодым людям, воодушевленным жадой подвигов. Поэтому спасительные советы юной леди возымели как раз обратное действие: я дал себе честное слово не уезжать, а ее забота обо мне, о моем спасении лишь укрепила меня в этом решении.

– Не считайте меня, сударыня, нескромным и не думайте, что я хочу выпытать от вас что-либо, – возразил я, – но я не могу отделаться от мысли, что если пребывание в Градене грозит мне опасностью, то и для вас оно рискованно.

Она ответила лишь взглядом упрека.

– Для вас и для вашего отца! – закончил я, но едва я произнес последнее слово, из ее груди вылетел судорожный крик:

– Отец! Как вы узнали про моего отца?

– Я видел вас обоих вместе, когда вы высаживались из лодки и шли к павильону, – был мой ответ, и этот ответ показался и ей, и мне вполне удовлетворительным, так как он выражал сущую правду. – Но, – продолжал я, – вы не должны меня опасаться. Я вижу, что у вас есть причина хранить какой-то секрет, но, поверьте, открыться мне так же безопасно, как если бы похоронить вашу тайну в Граденской топи. Я почти ни с кем не разговаривал в течение многих лет, и единственный мой товарищ – это мой конь. Вы видите, что можете рассчитывать на мое молчание. Откройте же мне правду,

моя дорогая юная леди, – вы сами в опасности?

– Мистер Норсмаур сказал, что вы благородный человек, – произнесла она в ответ, – и этому я вполне верю, видя вас, я могу вам довериться. Вы не ошиблись, мы находимся в большой, в ужасной опасности, а вы, оставаясь здесь, также подвергаетесь этой опасности.

– А, – воскликнул я, – вы слышали обо мне от Норсмаура? И он считает меня порядочным человеком?

– Я его спрашивала о вас вчера вечером, – был ее ответ. – Я сказала, – тут она немного поколебалась, – я сказала ему, что встречала вас несколько лет тому назад, и мы как-то говорили о нем, то есть о Норсмауре. Это была неправда, но без этой маленькой лжи я не могла заговорить о вас, не подавая повода к подозрениям, не предавая вас, вы же вчера поставили меня в очень затруднительное положение, и я должна была выяснить, кто вы такой. Он очень хвалил вас.

– Позвольте мне задать один вопрос, – спросил я. – Опасность для вас исходит от Норсмаура?

– От Норсмаура? – воскликнула она. – О, напротив, он сам из-за нас подвергается той же опасности.

– И вы предлагаете мне бежать отсюда! – сказал я тоном упрека. – Невысокого же вы обо мне мнения!

– Но с какой стати вам оставаться? – возразила она. – Ведь вы нам не друг.

Не знаю, как это случилось, – прежде это бывало со мной только в детстве, – но я так был огорчен этим последним

возражением, что почувствовал что-то вроде боли в глазах, и из них полились тихие слезы, я же продолжал смотреть ей прямо в лицо.

– О, нет, нет, – воскликнула она изменившимся голосом. – Не принимайте так моих слов, я не хотела вас огорчить, обидеть...

– Я сам вас обидел, простите! – и протянул руку с мольбой в глазах, которая, вероятно, ее тронула, потому что она тотчас же с горячностью протянула свою.

Я удержал ее руку в моей и посмотрел ей в глаза. Это длилось лишь мгновение. Она выдернула свою руку и, забыв, что собиралась убедить меня спастись из Градена, убежала и, не обернувшись, скрылась из виду. И тогда я почувствовал, что люблю ее, и у меня мелькнула радостная мысль, что она, она сама равнодушна ко мне!

Правда, она потом это отрицала, но с улыбкой и без серьезных возражений. Что же касается меня, то я убежден, что мы не пожали бы друг другу так горячо руки, если бы ее сердце не расположилось ко мне сразу. Впрочем, во всем этом вопросе нет больших противоречий, так как, по собственному ее признанию, она уже на следующий день знала, что меня любит.

Однако этот следующий день казался скорее деловым. Она снова вышла одна на прогулку, так же, как и накануне звала она меня сойти с холма и снова пробовала убедить меня уехать из Градена и, когда встретила мой решитель-

ный отказ, стала расспрашивать меня о подробностях моего приезда. Я ей рассказал, какой ряд случайностей сделал меня быть свидетелем высадки ее и Норсмаура и что решил остаться, отчасти вследствие интереса, который возбудил во мне таинственный приезд Норсмаура и его гостей, отчасти вследствие покушения Норсмаура на мою жизнь. Что касается первой причины, я, кажется, был не вполне точен в своих показаниях, и она легко могла подумать, – да так и решила, – что интерес заключался в ней самой с той самой минуты, когда я увидел ее на дюне.

Я никогда не имел решимости разубедить в этом мою дорогую подругу жизни. Теперь, когда душа ее уже около Бога и ей все известно, она знает всю честность моих намерений и отношения к ней и простит мне эту маленькую, не полную откровенность во время ее жизни, себе же этим признанием я облегчил душу.

Затем разговор перешел на многие другие предметы, я рассказал ей про свою отшельническую и бродячую жизнь. Она внимательно слушала, но сама очень мало говорила. Странно, мы говорили вполне свободно на самые разнообразные темы, которые сами по себе были совсем незначительны, и вместе с тем мы оба были взволнованы. Слишком скоро настало время расставаться, и мы расстались, точно по молчаливому соглашению, без пожатия рук, оба чувствовали, что для нас это пожатие – не пустая церемония.

На следующее утро, то есть в четвертый день нашего зна-

комства, мы встретились на том же месте, но раньше обыкновенного. Она снова начала говорить об опасности моего пребывания, как я понял, это было для нее благовидным предлогом к свиданию, а я в ответ начал речь, многие части которой я тщательно обдумал ночью, о том, как я высоко ценю ее благородное участие ко мне, как никто до сих пор не пытался узнать что-либо обо мне, о моей жизни, да и я совсем не расположен был с кем-либо говорить об этом до вчерашнего дня. Вдруг она меня прервала и взволнованным голосом сказала:

– И, однако, если бы вы знали, кто я, вы не стали бы так много говорить со мной!

Я ответил, что такое предположение – чистое безумие, что, несмотря на краткость знакомства, я считаю ее своим дорогим другом, но мои возражения лишь усилили ее волнение.

– Мой отец принужден скрываться! – воскликнула она с отчаянием в голосе.

– Моя дорогая! – сказал я, забыв в первый раз добавить «юная леди». – Какое мне до этого дело? Хоть бы он двадцать раз скрывался, разве это, хоть на каплю, изменит мое отношение к вам?

– Ах, но причина этого! Эта причина, – здесь голос ее пресекся на мгновение, – позор для нас!

Глава IV

Повествует о том, каким поразительным образом я узнал, что не одинок в Граденском лесу

Прерывающимся голосом, сквозь слезы, моя будущая жена поведала мне тайну.

Имя ее было – Клара Хедльстон. Это было красивое имя, но, конечно, не такое прекрасное, как Клара Кассилис, которое она носила остальную и, смею думать, лучшую часть ее жизни.

Отец ее, Бернард Хедльстон, имел частную банкирскую контору с очень широким кругом операций, за несколько лет перед тем его постигла неудача, и для поправления своих дел он пустился на сомнительные и незаконные аферы, однако его дела еще больше запутались, и он должен был потерять состояние и честное прежде коммерческое имя.

Норсмаур давно уже ухаживал за дочерью с большой настойчивостью, хотя и без малейшего поощрения с ее стороны. Банкир хотел «учесть» и это обстоятельство. Он, собственно, не боялся ни разорения, ни позора, ни банкротства, ни даже судебного приговора, – он и в тюрьму пошел бы с легким сердцем, но на совести его оставалась еще какая-то

страшная тайна, не дававшая ему покоя ни днем, ни во время сна. Хедльстон был убежден, что кто-то должен его внезапно, тайно убить, и вот он обратился к Норсмауру с мольбой о спасении его от неминуемого покушения на его жизнь. Ему необходимо было скрыться навсегда. Норсмаур согласился отвезти его на один из южных островов Великого океана на своей яхте «Красный Граф». Яхта приняла Хедльстона на пустынном берегу Уэльса и временно их отвезла в Граденское поместье Норсмаура, но на самое лишь короткое время, пока «Красный Граф» не подготовится к дальнему плаванию в южное полушарие.

Клара не сомневалась, что платой за проезд была ее рука. Норсмаур был весьма корректен с ней, и все же его речь и манеры становились более смелыми и фамильярными.

Нечего говорить, что я слушал ее с напряженным вниманием и старался узнать, в чем же добавочная, так сказать, тайна самого Бернарда Хедльстона. Но Клара сама этого не знала и не подозревала, в каком направлении, откуда может быть нанесен удар, ожидаемый отцом. Тревога Хедльстона была, без сомнения, не притворная, она его угнетала даже физически и настолько его терзала, что он уже несколько раз сам хотел отдаться в руки правосудия, и если этого не сделал, то вследствие уверенности, что даже строгий режим английских тюрем не укроет его от преследователей.

Клара сама билась над вопросом, кому надо было преследовать отца? Ей казалось, что некоторые косвенные указа-

ния она нашла. Клара знала, что в последние годы у Хедльстона было много дел в Италии, а также с итальянцами, проживавшими в Лондоне. С другой стороны, Хедльстоном овладел страшный испуг, когда он увидел на палубе «Красного Графа» одного итальянца. Он тогда очень сильно и не раз упрекал Норсмаура, что тот погубил весь план его спасения. Напрасно Норсмаур уверял, что этот итальянец Бенно давно у него на службе, честный и хороший человек, за которого он готов поручиться головой. Хедльстон повторял, что его гибель – вопрос лишь нескольких дней и причиной тому будет Бенно.

Стараясь успокоить Клару, я сказал, что из этих данных можно вывести лишь то заключение, что у отца ее началось душевное расстройство – мания преследования. Он, вероятно, понес большие денежные потери в Италии, и потому даже вид итальянца ему ненавистен, понятно, что и в его галлюцинациях главную роль должны были играть мужчины этой национальности.

– Хорошего доктора и успокоительные лекарства, – вот что надо найти для вашего отца, – решил я в заключение.

– Нет. Тут что-то другое, – возразила Клара. – Как вы объясните, что Норсмаур, который не имел никаких денежных потерь, разделяет теперь тревогу и страх отца?

Я не мог удержаться от смеха над тем, что показалось мне признаком ее чистосердечной простоты или недогадливости.

– Дорогая мисс, – воскликнул я, – вы сами только что ска-

зали, какая Норсмауру обещана награда. Помните: все для влюбленного законно. Норсмаур раздувает тревогу вашего отца не потому, чтобы он страшился какого-либо итальянца, а потому, что он страстно увлечен прекрасной англичанкой, и для него полезно, чтобы отцу ее казалось, что Норсмаур спасает всех от великой смертельной опасности.

– Но как же тогда вы объясните поспешность и опасность нашего бегства? Зачем было высаживаться сюда ночью? И Норсмаур, и мы знали, что рискуем не только гибелью яхты, но и нашими жизнями. Как, наконец, вы объясните то, что заметив незнакомого человека, Норсмаур сразу бросился на него, чтобы убить кинжалом?

Я должен был согласиться, что мои объяснения недостаточны.

Мы еще долго беседовали и решили, что сегодня же я отправлюсь в Граден-Уэстер, чтобы в этом ближайшем рыбацьем поселке прочесть газеты последнего времени и лично убедиться, нет ли действительных поводов к напряженной тревоге Хедльстона и Норсмаура, результат своих изысканий я обещал сообщить Кларе на следующее утро, в том же месте и в тот же час. Теперь Клара уже не заговаривала о необходимости моего отъезда из Градена и не таила, что мое присутствие ей приятно и поддерживает ее, я же ни за что не уехал бы, если бы даже Клара на коленях умоляла об этом.

Простившись с Кларою, я тотчас отправился и уже к десяти часам был в поселке, хотя расстояние до него считает-

ся больше семи миль, правда, я в то время был еще отличный ходок, и дорога выпала приятная по свежей травке и в отличную погоду.

Граден-Уэстер один из самых плохих поселков на этом берегу. Он стоял при небольшой скалистой бухте, в которой немало погибло лодок, вернувшихся благополучно с рыбной ловли. Была маленькая церковь, но она стояла в овраге, насчитывалось не больше 50–60 домов, расположенных в две улицы: одна шла параллельно берегу, другая примыкала к первой под прямым углом, на перекрестке виднелась темная и бедная таверна, это была главная гостиница местечка.

Перед уходом я переоделся в костюм, более подходящий к моему званию, и прежде всего направился к священнику, жившему в маленьком доме рядом с кладбищем, так как у него надеялся достать газеты.

Хотя мы не виделись со времени моего первого пребывания в поместье Норсмаура, то есть целых девять лет, он сразу меня узнал и с удовольствием исполнил мою просьбу, дав целую кипу газет. Я ему сказал, что путешествую по пустынному северо-восточному берегу Шотландии и почти месяц не читал никаких новостей. С этой кипой газет, – чуть ли не за целый месяц, – я отправился в таверну и в ожидании заказанного завтрака стал отыскивать все статьи и заметки под заголовками: «Хедльстоновское банкротство» и т. п.

По-видимому, это было очень скандальное, вопиющее дело. Тысячи клиентов Хедльстона обратились в бедняков,

один из них при известии о прекращении платежей лишился рассудка. Но, странная вещь! Читая эти подробности, я скорее симпатизировал Хедльстону, чем его несчастным жертвам – до такой степени были сильны чары любви к Кларе. Разумеется, была объявлена плата за поимку Хедльстона, и как вследствие явного злостного характера несостоятельности, так и ввиду размеров общественного негодования эта плата была очень высока – целых 750 фунтов стерлингов. Далее печатались разные слухи о том, где скрывается злостный банкрот. В одном номере сообщалось, что он скрылся в Италии, на другой день констатировалось «из надежных источников», что он кочует между Ливерпулем и Манчестером, впрочем, в этот же день упоминалось, что его видели на Уэльском берегу, а в следующем номере той же газеты была помещена телеграмма из Кубы о его приезде... в Юкатан. Но ни в одном сообщении не упоминалось ни об Италии, ни об итальянцах, ни о какой-либо тайне.

Однако в самом последнем номере газеты была одна заметка, указывавшая, что дело Хедльстона не вполне еще выяснено. Должностные лица, проверявшие денежные книги, напали на след очень больших сумм, не выведенных в окончательных балансах. Суммы эти были занесены в книги Хедльстона за шесть лет до его несостоятельности, но нельзя было найти указаний, откуда такие суммы появились и куда они исчезли, они значились под каким-то именем без фамилии и затем под таинственными инициалами «Х. Х.».

Народная молва связывала эти инициалы с одной выдающейся особой королевского рода. «Предполагают, что этот трусливый бесноватый, – таков, помнится, был газетный эпитет по адресу Хедльстона, – скрылся с значительной частью этого таинственного фонда».

Я терзал себе мозг, стараясь найти связь между газетными сообщениями и тревогой Хедльстона, как вдруг услышал слова, с явно иностранным акцентом, одного посетителя таверны, спрашивавшего себе хлеба и сыра.

Я поднял глаза. Около буфета стоял мужчина, несомненно, итальянского типа.

– Siete italiano? – обратился я к нему¹.

– Sì, signor, – ответил он².

Я выразил удивление, что вижу итальянца на столь отдаленном севере Европы. На это он пожал плечами, возразил, что рабочему приходится повсюду искать себе работу, и тут же вышел.

«Какую работу можно итальянцу найти в Граден-Уэстере?» – подумал я. – «Решительно нельзя себе представить!».

Эта встреча подействовала весьма удручающим образом на мой мозг, и я тотчас спросил хозяина таверны, видел ли он когда-нибудь итальянца в своем селе? Он сказал, что раз только видел иностранцев, но то были норвежцы, потерпевшие крушение близ Градена.

¹ Вы итальянец?

² Да, сударь.

– А видели вы итальянца? – сказал я. – Вот таких, как этот человек, которому вы отпустили сыра и хлеба.

– Такого! – воскликнул он. – Как этот черномазый с белыми руками? Это разве итальянец? Ну так я вам скажу: это первый итальянец, которого я вижу, и смею сказать, последний, которого я видел.

Услышав этот решительный ответ, я взглянул на улицу и саженях в двадцати заметил группу из трех лиц, беседовавших чрезвычайно оживленно. Один из них был тот человек, которого я только что видел у буфета таверны, по красивым бледным лицам и мягким шляпам остальных собеседников видно было, что и они итальянцы. Вокруг них собрались уличные мальчишки, оживленно передразнивая их непонятные слова и жесты.

Это трио южных типов представляло поразительный контраст с грязной черной улицей захудалого поселка и с темно-серым небом пустынного северного побережья. Мое прежнее недоверие к словам Клары получило удар, от которого ему не пришлось оправиться, но я должен был сознаться, что тогда же сам подпал под влияние «итальянского террора».

День уже клонился к вечеру, когда, дочитав нужные мне газеты и возвратив их священнику, я благополучно тронулся по дюнам в обратный путь. Никогда не забуду этого вечера и этой ночи! Погода резко изменилась, подул сильный и холодный ветер, гудевший даже в короткой траве, по которой я

шел; над морем поднялись густые тучи, точно цепь высоких, темных гор, скоро полил дождь, как из ведра, перемежаясь с бурными порывами ветра. Трудно было вообразить более скверную погоду, и, – отчасти под ее влиянием, но главным образом после всего того, что я прочел, видел и слышал, – мои нервы совсем расшатались, и мысли были также мрачны, как окружающая непогода.

Из верхних окон павильона можно было видеть дюны по направлению к Граден-Уэстеру на очень большое расстояние. Чтобы остаться незамеченным, я не пошел кратчайшей дорогой, а стал держаться больше берега, чтобы, дойдя до песчаных холмов близ павильона, завернуть по оврагам к своему лесу. Солнце уже совсем близилось к закату, прилив только что начинался и не покрыл еще опасных песков. Удрученный своими новыми мыслями, я мало обращал внимания на дорогу, но вдруг меня поразило вид следов человеческих ног на песке. Следы шли по одинаковому направлению с моим путем, только еще ближе к береговой линии. Я сразу убедился – и по размерам совершенно свежих отпечатков на песке, и по общему от них впечатлению, – что эти следы не принадлежат никому из живущих в павильоне, а из того, что следы шли слишком прямо и совершенно близко подходили к опаснейшим пескам, – я вывел заключение, что они принадлежат чужеземцу, не знающему вообще местности и, очевидно, даже не слыжавшему о страшной репутации Граденской топи.

Шаг за шагом я выследил путь этого чужеземца на протяжении приблизительно четверти мили. На юго-западной границе топи следы сразу исчезли. Очевидно, что тот, кто бы он ни был, несчастный вступил в топь и был ею засосан. Пара чаек, бывшая, быть может, свидетелями его гибели, кружилась над этой новой могилой, испуская свой обычный печальный писк. В эту минуту солнце, разорвав последним усилием завесу облаков, озарило темным пурпуром безобидную на вид гладь морских песков. Некоторое время я неподвижно стоял, вглядываясь в это место гибели, стараясь угадать, сколько длилась трагедия, кричал ли несчастный, могли ли его крики быть услышаны в павильоне... Я чувствовал, что дух мой совершенно потрясен, путаются мысли, теряется бодрость, над всем восстает зловещий призрак смерти. Однако я взял себя в руки и собирался удалиться, как вдруг чайка, смелее остальных, бросилась, точно шлепнулась, к краю берега, снова взлетела высоко и затем начала летать над самым песком. Следя за ее полетом, я увидел мягкую черную поярковую шляпу, слегка конической формы, такой же как у итальянцев, которые собрались в Граден-Уэстере.

Помнится, – хотя я не вполне уверен, – что я не мог удержаться, чтобы не вскрикнуть. Ветер гнал шляпу к берегу, и я подошел к самому краю топи, чтобы ее поймать. Тут снова прилетела чайка, схватила было шляпу, но порыв ветра вырвал ее из клюва и отбросил на несколько сажен дальше, уже на твердый берег. Понятно, с какой жадностью я набро-

сился на эту шляпу. Видно, что она успела уже достаточно послужить своему владельцу и была более груба или более засалена, чем те, которые я днем видел на улице. На красной подкладке была напечатана фирма продавца, – имя его я забыл, – и город Venedig. Как известно, это имя, которое дали австрийцы прекрасной Венеции и всей ее области, когда она находилась под их владычеством.

Я был совершенно поражен. Мне даже показалось, что передо мной стоят живые итальянцы. В первый раз в жизни и, смею уверить, в последний я был охвачен тем, что называется паническим страхом. Прежде я не мог себе даже вообразить такой вещи, которой я утрашился бы, теперь я чувствовал, что у меня сердце упало, ум не в состоянии работать, тело дрожит. А предстояло еще отправиться в лес, в мою одинокую, ничем не защищенную пещеру. С большими колебаниями, с большой неохотой я пошел.

Там я поел немного холодного супа, оставшегося с прошлого вечера, так как огонь разводить я не решался. Скоро я совершенно пришел в себя, отогнал мнимые страхи и спокойно улегся спать.

Сколько я спал, – как ни старался, не мог припомнить, – но внезапно я был разбужен потоком света. Я проснулся, точно от удара, и в одно мгновение приподнялся на колени, но свет исчез так же быстро, как появился. Кругом была крошечная тьма и в этой темноте раздавался лишь невообразимый рев бури.

Прошло, по крайней мере, полминуты, прежде чем я пришел в себя. Сперва я решил, что у меня был просто кошмар, но сразу же разубедился в этом. Во-первых, полог моей палатки, который я перед сном тщательно привязал, был раскрыт, во-вторых, я еще чувствовал запах раскаленного металла и горящего масла. Не могло быть сомнения: меня разбудил свет от потайного фонаря, который кто-то поднес к моему лицу, чтобы его разглядеть. Он его разглядел и ушел. Что же это значит? Или он знал меня раньше и узнал, или не знал? И в том и в другом случае он мог сделать со мной что угодно...

Тут я вскочил, потому что ясно представилась опасность, грозившая павильону. В самом деле, меня могли убить или навеки искалечить, могли ограбить, могли, наконец, меня разбудить, спросить, кто я такой, что здесь мне нужно... Следовательно, меня разбудили по ошибке, искали, очевидно, не меня.

Немало понадобилось мне решимости, чтобы выйти из пещеры и погрузиться в непроглядную темь окружавшей ее чащи кустарника, из которого и днем нескоро можно было выбраться. Однако, я благополучно вышел из нее и, пройдя оставшуюся часть леса, отправился к павильону. Я шел по дюне мокрый до нитки от ночного ливня, оглушаемый ревом ветра, бившего прямо в лицо, каждое мгновение опасаясь попасть в засаду. При полной темноте ночи и непрекращавшемся реве бури целая неприятельская армия могла бы

быть скрыта в дюнах, и я ни слухом, ни зрением не мог бы узнать о ее присутствии.

Всю остальную часть ночи, показавшуюся мне невообразимо долгой, я караулил площадку перед павильоном, но не видел ни единого человеческого существа, не слышал ни одного звука, кроме грозного, зловещего шума морского прибоя, смешивавшегося с жуткими завываниями ветра. Маленький, лишь еле заметный свет, сквозивший через щель ставни одного из верхних окон павильона, составлял мне компанию до рассвета.

Глава V

Повествует о свидании Норсмаура со мной и Кларой

При первом луче дня я оставил открытое место перед павильоном и направился к моему убежищу в высоком песчаном холме около бухты, чтобы поджидать приход Клары. Утро было серое и печальное, ветер усмирился перед восходом солнца, отлив был в полном ходу, но дождь продолжал немилосердно лить. На всей пустыне дюн не виднелось ни одного живого существа, однако я был уверен, что в окрестностях павильона уже собрались враги. Фонарь, разбудивший меня ночью, и шляпа, отнесенная ветром с Граденской топи на берег, служили достаточно красноречивыми сигналами опасности, грозившей Кларе и жителям павильона.

Было уже семь с половиной или около восьми часов, когда силуэт дорогой мне девушки, наконец, показался на пороге павильона. Несмотря на отчаянный дождь, Клара решительно направилась к берегу. Разумеется, я не стал ждать, пока она дойдет до обычного места встречи, и был около нее уже на первом же повороте, скрытом от павильона.

– Мне очень трудно было уйти! – воскликнула она, увидев меня. – Они не хотели, чтобы я шла гулять в такой дождь.

– И вы, Клара, не побоялись?

– Нет, – ответила она так просто, что душа моя наполнилась доверием и радостью.

Действительно, моя жена была и самая лучшая, и самая храбрая из женщин, каких я только встречал. Я знал прекрасных по своей доброте и другим душевным качествам женщин, знал и очень храбрых, но не встречал сочетания доброты и значительной степени смелости в одной и той же женщине, моя жена была, очевидно, исключением, ее решительность и бесстрашие соединились с самыми обстоятельными и прекрасными чертами женского характера.

Я рассказал все, что со мной случилось, Клара сильно бледнела, слушая рассказ, но сдерживала свои чувства.

– Вы видите, я цел и невредим, – сказал я в заключение, – очевидно, не меня искали, но если бы они того пожелали, уже ночью меня не было бы в живых.

Она положила мне руку на плечо.

– И я не имела предчувствия об этом! – воскликнула она.

Выражение ее голоса проникло в мою душу. Я обвинил ее стан рукой и привлек ее к себе, и, прежде чем мы очнулись, ее руки были на моих плечах, ее губы прикоснулись к моим. Слов любви мы не произнесли. Я до сих пор помню прикосновение ее щеки, мокрой и холодной от дождя, часто впоследствии я целовал ее щеку, когда она умывалась, чтобы оживить в моей памяти первый наш поцелуй на морском берегу в то достопамятное утро.

Мы простояли таким образом несколько секунд, – а может

быть и больше, потому что время для влюбленных быстро летит, как вдруг наш слух поразил раскат хохота, какого-то дикого, неестественного хохота, которым нередко маскируют досаду и гнев.

Мы обернулись, но талия Клары осталась в моей руке, а она и не подумала освободиться.

В нескольких шагах стоял Норсмаур с заложенными назад руками. Лицо его было страшное, сильно насупленные брови придавали ему свирепый вид, ноздри широко раздувались и побледнели от сдерживаемой злости. Он глядел на нас в упор.

– Ах, Кассилис! – произнес он самым язвительным тоном, как только я показал свое лицо.

– Он самый, Норсмаур! – ответил я совершенно спокойно, так как я нисколько не растерялся.

– Вот как, мисс Хедльстон, – продолжал он медленно, но изменившимся от гнева голосом, – вы храните свое слово вашему отцу и мне? Вот цена, которой оплачиваете за жизнь отца? Вот до какой степени вы увлеклись этим молодым джентльменом, что не останавливаетесь ни перед ливнем, ни перед приличиями, ни перед самыми обыкновенными предосторожностями...

– Мисс Хедльстон, – пытался я заговорить, но он грубо меня перебил:

– Эй, вы там! Придержите свой язык, – крикнул он, – я разговариваю с этой девушкой, а не с вами!

– Эта девушка, как вы ее называете, моя жена! – громко и твердо объявил я.

И Клара, еще ближе придвинувшись ко мне, подтвердила истину моих слов.

– Ваша что?! – крикнул он. – Вы лжете!

– Норсмаур, – ответил я, придавая голосу возможное спокойствие, – мы все знаем, что у вас прескверный характер, и я не буду, конечно, сердиться на ваши необдуманные слова. Но прежде всего не кричите, говорите возможно тише, мы здесь не одни.

Он оглянулся кругом, и я заметил, что мои слова значительно охладили его расходившиеся чувства.

– Что вы подразумеваете, однако?

– Итальянцы!

Это было единственное слово, которое я произнес, но оно произвело магическое действие. Норсмаур выговорил страшное проклятие, но тотчас затем замолк и переводил с изумлением свои глаза то на меня, то на Клару.

– Мистеру Кассилису известно все, что мне самой известно, – сказала Клара.

– А мне неизвестно, – выпалил он, – откуда этот дьявол Кассилис сюда явился и что этот дьявол Кассилис здесь делает! Вы говорите, что женаты. Этому я совершенно не верю. Если бы вы были действительно женаты, то быстро получили бы развод – здесь, в Граденской топи. Всего четыре с половиной минуты требуется, Кассилис! Я содержу это ма-

ленькое кладбище специально для друзей.

– Ну а для итальянца потребовалось больше, чем указанные вами четыре с половиной минуты, Норсмаур.

Он опять посмотрел на меня, точно ошеломленный моими словами, и затем попросил меня, почти совершенно вежливо, объяснить ему, в чем дело.

– Сейчас у вас слишком много шансов в сравнении со мной, – добавил он в заключение.

Я конечно, согласился сообщить все, что знаю, и он внимательно слушал, не удерживаясь, впрочем, от разных восклицаний и проклятий, пока я рассказывал, как случайно попал в его поместье, как он, Норсмаур, меня чуть не заколол кинжалом, как я выследил итальянцев.

– Так! – произнес он, когда я закончил. – Тут нет никаких сомнений. А что вы советуете делать?

– Я предлагаю остаться с вами и протянуть друг другу руку, – был мой ответ.

– Вы славный человек! – сказал он с какой-то особенной интонацией в голосе.

– Я не боюсь, – сказал я.

– Итак, – продолжал он, – предо мной муж и жена? И вы решитесь мне сказать это в глаза, мисс Хедльстон?

– Собственно, мы еще не женаты, но дали друг другу слово, – ответила Клара, – и сдержим его, мы обвенчаемся при первой же возможности.

– Bravo! – воскликнул Норсмаур. – А мой уговор с вашим

батюшкой? Будь я проклят, вы ведь не сумасшедшая женщина, вы понимаете, от чего зависит жизнь вашего отца, стоит мне лишь заложить руки в карманы и удалиться отсюда, и вашему отцу сегодня же перережут горло!

Но Клара не растерялась.

– Все это я знаю, – ответила она с удивительной находчивостью, – но знаю только, что вы этого не сделаете. Вы заключили с моим отцом сделку, недостойную джентльмена, но вы все же настоящий джентльмен, свое слово сдержите и никогда не покинете того, кому дали слово защитить.

– Ага! – воскликнул Норсмаур. – Вы думаете, что я отдал яхту даром? Вы думаете, что это из любви к старому джентльмену я рискую свободой и жизнью? И еще затем, чтобы присутствовать на вашей свадьбе? Что ж, – добавил он со странной улыбкой, – быть может вы до некоторой степени правы... Но, вот Кассилис. Он-то знает меня хорошо. Такой ли я человек, чтобы можно мне довериться? Можно ли меня считать человеком надежным, щепетильным, добрым к кому бы то ни было? Вы это знаете?

– Я знаю, что вы наговорили много лишнего, – возразила Клара, – но я уверена, что вы настоящий джентльмен, и, поверьте, мне не страшно.

Норсмаур смотрел на нее восхищенными глазами, точно с особенным одобрением относясь к ее словам.

– Но вы, Франк, – обратился он в мою сторону, – неужто вы думаете, что я уступлю ее вам без борьбы? Говорю вполне

откровенно, – берегитесь, Франк! Скоро я схвачусь с вами не на жизнь, а на смерть!

– Это будет в третий раз, – перебил я его, улыбаясь.

– Ах да! Забыл. Действительно, в третий раз. Что же, третий раз, говорят, самый счастливый...

– Вы подразумеваете, что в третий раз у вас к услугам будет уже экипаж «Красного Графа»? – спросил я, чувствуя, что начинаю злиться и желаю обозлить Норсмаура.

Но он уже решил успокоиться и обратился только к Кларе:

– Вы слышите, что он говорит?

– Я слышу, что двое мужчин болтают пустое, – заявила она. – Я презирала бы себя за подобные мысли и речи. Да вы сами не верите ни единому слову из того, что сейчас говорили, охота вам выставлять себя не то злодеями, не то глупцами!

– Bravo! – воскликнул Норсмаур. – Это называется приговор, труба в день судный. Но она еще не миссис Кассилис, а потом что будет – посмотрим. Больше ничего не скажу, шансы сейчас не на моей стороне!

Тут Клара очень меня удивила.

– Я вас оставлю обоих, – сказала она быстро. – Отец слишком долго один в павильоне. Но помните, вы должны быть друзьями, потому что каждый из вас мне друг.

Жена мне потом объяснила мотивы своего поступка. Она чувствовала, что, если она останется, то мы не перестанем пикироваться в ее присутствии и, быть может, серьезно даже

поссоримся. Я думаю, что она была права, потому что, как только она ушла, мы оба совершенно успокоились и стали говорить с доверием друг к другу.

Норсмаур все время смотрел Кларе вслед, пока она не скрылась за холмом.

– Право, это замечательнейшая девушка на всем свете! – произнес он, добавив к тому весьма выразительную клятву. – Смотрите, какая деятельная, какая решительная!

Я старался улучшить минуту, чтобы скорее узнать общее положение дел, и потому, не поддерживая разговора о милой Кларе, спросил:

– Как думаете, Норсмаур, – мы все попали в скверные обстоятельства?

– О да! – ответил он с большим воодушевлением, глядя мне прямо в глаза. – Тут целый ад с чертями над нашей головой. Верите мне или нет, но я совершенно серьезно опасюсь за свою жизнь.

– Скажите мне одну вещь, – спросил я снова. – При чем итальянцы во всей этой истории? Что им нужно от мистера Хедльстона?

– Разве не знаете?! – вскрикнул он. – Старый мошенник принял на хранение, и притом на тайное хранение, громадный капитал от итальянских карбонариев³: – целых двести

³ Так назывались члены тайного политического союза, сначала направленного против владычества французов в Италии, а затем, в 20-х годах прошлого столетия, поставившего себе целью объединение Италии, под властью демократической республики. Сначала карбонарии переодевались угольщиками, откуда и

восемьдесят тысяч фунтов, ну и, конечно, растратил его, не знаю только весь ли, неудачными спекуляциями. Из-за этой растраты не удалось восстание в Триденте или Парме, которое должно было послужить сигналом к революции во всей Италии, и теперь карбонарии гонятся за Хедльстоном, чтобы ему отомстить. Счастье будет, если наша шкура останется цела.

– Карбонарии! – воскликнул я. – Ну, плохо дело! Не сдобровать старику.

– То же и я думаю, – сказал Норсмаур. – Вообще, все мы тут попали в изрядную ловушку, и, откровенно говоря, я рад, что вы здесь и поможете нам. Если не удастся охранить старика, постараюсь, по крайней мере, спасти дочь... Идите в павильон и оставайтесь с нами. И вот вам мое слово, моя рука, я вам друг, пока старик не спасется или не будет убит. Но, – добавил он, – как только дело решится, мы снова соперники, и предупреждаю, берегитесь!

– Идет! – ответил я.

И мы пожали друг другу руки.

– Теперь скорее в нашу цитадель! – сказал Норсмаур и быстро пошел против дождя.

Глава VI

Повествует о моем знакомстве с ВЫСОКИМ МУЖЧИНОЙ

В павильон впустила нас Клара. Я почти не узнал комнат первого этажа, – они действительно были укреплены, как цитадель. Входная дверь, кроме прежних болтов, защищалась еще очень крепкой баррикадой, которую, однако, изнутри легко было разобрать настолько, чтобы быстро приотворить дверь. Из сеней мы прошли в столовую, слабо освещавшуюся лампой. Окна ее были защищены еще надежнее, чем наружный вход. Створки ставней были укреплены продольными и поперечными железными полосами, которые, в свою очередь, соединялись с другими металлическими подставками и брусками, упиравшимися частью в пол, частью в потолок, частью даже в противоположную стену. Вся эта защита выглядела прочной и удобной. Я не мог скрыть своего удивления.

– Я здесь инженерствовал! – воскликнул Норсмаур. – Помните скамейки в саду? Вот они, видите, как пригодились!

– Я не знал за вами столько талантов, – ответил я. – Настоящий крепостной инженер.

– Нужно вам оружие? – спросил Норсмаур, указывая на

большую коллекцию ружей и пистолетов, размещенную в удивительном порядке вдоль стены, несколько ружей наготове были прислонены к буфету.

– Благодарю вас, – ответил я. – Со времени нашей ночной встречи, я не выхожу без револьвера. Но, сказать вам по правде, я нуждаюсь в подкреплении пищей, со вчерашнего вечера ничего не было у меня во рту.

Норсмаур тотчас достал блюдо холодного мяса, к которому я присел с великим аппетитом, и бутылку хорошего бургундского, хотя, как я уже говорил выше, я всегда из принципа, избегал вина, и если в редких случаях его пил, то в самом ничтожном количестве; тут же, помнится, я с громадным удовольствием выпил почти всю бутылку, – не менее трех четвертей, но надо принять во внимание, что я в павильон пришел весь измокший и сильно озябший от дождя, и вино благотворно меня согрело.

Во время еды я продолжал рассматривать и хвалить «укрепления».

– Положительно, можно выдержать осаду! – решил я в заключении.

– Да, но лишь очень коротенькую, – медленно промолвил Норсмаур, растягивая слова. – Впрочем, это вопрос второстепенный. Меня гораздо более смущают последствия такой осады. Перед нами двойная опасность! Если начнем отстреливаться, то, как ни безлюдны ближайшие окрестности, все же кто-нибудь скоро услышит, и сбежится народ. Тогда од-

но из двух, или карбонарии успеют нас раньше убить, или сами разбегутся, но тогда же откроют Хедльстона, арестуют его и, конечно, нас, как его сообщников или укрывателей. Не правда ли, приятная дилемма, или смерть от карбонария, или тюрьма по закону? Плохо на этом свете иметь против себя закон! Я это уже высказал старому Хедльстону, и он, кажется, начал теперь разделять мое мнение...

– Кстати. Раз вы заговорили о Хедльстоне, – заметил я, – что это за человек?

– Он? – воскликнул Норсмаур. – О, это зловредная штука! Я, собственно, ничего не имел бы против того, чтобы схватили его все черти, какие только есть в Италии, и мгновенно свернули бы ему шею. Я ему совершенно не сочувствую, вы меня понимаете? Я просто с ним заключил сделку, – за руку его дочери обещал спасти его от закона и итальянской мести, и должен ее довести до конца.

– О, это я, конечно, понимаю, – сказал я. – А как мистер Хедльстон примет мое появление?

– О, предоставьте это Кларе! – ответил Норсмаур.

При других обстоятельствах я ударил бы Норсмаура по лицу за такую грубую фамильярность по отношению к имени моей невесты, но мы заключили перемирие, и я счел необходимым его соблюдать. Нужно заметить, что и Норсмаур держался того же взгляда все время, пока Хедльстону и, главное, его дочери грозила опасность. Могу засвидетельствовать самым торжественным образом, но не без гордости, что впра-

ве то же самое утверждать относительно моего поведения. И для нас обоих это было дело очень не легкое; действительно, вряд ли когда двое мужчин попадали в такое исключительно странное и раздражающее положение.

После того как я закончил есть, мы принялись за последовательный осмотр нижнего этажа. Мы перепробовали укрепления каждого окна и кое-где старались их усилить, по всему павильону разносились звонкие удары наших молотков. Я предложил проделать несколько маленьких отверстий в ставнях, чтобы иметь возможность наблюдать места, ближайшие к павильону, но оказалось, что есть уже достаточно таких отверстий в верхнем этаже.

Хотя все укрепления казались вполне надежными, все же этот осмотр не принес мне успокоения. Удручала мысль, что предстоит защищать семь мест – две двери и пять окон на нижнем этаже, а всех защитников, включая даже Клару и больного старика, было четверо против неизвестного числа нападающих. Я высказал Норсмауру свои опасения, и он с полной искренностью ответил, что разделяет мою тревогу.

– Да что много говорить! – прибавил он. – Не пройдет суток, как нас всех зарежут, и вместо погребения, бросят в Граденскую топь. Для себя я уже это считаю на роду у меня написанным.

Я невольно вздрогнул при упоминании о Граденских песках, но, стараясь успокоить Норсмаура, напомнил, что враги пощадили меня в лесу.

– Не обольщайтесь! – ответил он. – Тогда ваша связь с павильоном не была еще установлена, а теперь вы в одной компании со старым банкиром. Всех нас, без исключения, бросят в топь, – попомните мои слова!

Я почувствовал гнетущий страх за Клару, и тут же послышался ее милый голос, призывавший нас наверх. Норсмаур пошел впереди, показывая мне дорогу, и постучался в дверь комнаты, над которой и девять лет тому назад, и теперь была надпись: «Спальная моего дяди», – такова была предсмертная воля строителя павильона.

– Войдите, Норсмаур! Войдите, пожалуйста, дорогой сэра Кассилис! – послышался голос изнутри.

Дверь приотворил Норсмаур и пропустил меня вперед. В то же мгновение Клара уходила от отца через боковую дверь в комнату, которая прежде служила студией, а теперь была обращена в ее спальню. В кровати, отодвинутой к задней стене, – а когда я осматривал павильон перед приходом Норсмаура, она стояла у самого окна, – сидел Бернард Хедльстон.

Хотя в ночь высадки я только мельком, при свете слабого фонаря, видел его черты, но я тотчас узнал того, который теперь носил звание злостного банкрота. Его бледное, изможденное лицо обрамляла большая рыжая борода и длинные бакенбарды того же цвета; высокие скулы и кривой нос придавали ему вид монгола, голова была покрыта черным шелковым колпаком, который вместе с зеленым пологом кровати

еще сильнее оттенил лихорадочный блеск светлых его глаз и мертвенную бледность лица. Рядом с ним, на кровати, раскрыта была массивная Библия, и тут же лежали большие золотые очки, я заметил также пачку других книг на стойке у изголовья кровати.

Старик сидел, окруженный подушками и сильно нагнувшись вперед, его голова склонилась почти до колен, пока он не приподнял ее, чтобы меня приветствовать. Я думаю, что, если бы не суждено было ему умереть другой смертью, он через несколько недель все равно скончался бы от истощения сил.

Хедльстон протянул мне руку – длинную, тонкую и до неприятности волосатую.

– Пожалуйста, пожалуйста, мистер Кассилис! – произнес он торопливо. – Еще покровитель, – он откашлялся, – второй покровитель. Мой лучший привет вам, мистер Кассилис, как доброму другу моей дочери. Вот они собрались около меня, друзья моей дочери, хотят меня спасти... Благослови их, Господи!

Я готовился к этой встрече, старался внушить себе доброе расположение к отцу моей Клары, но, увидев старика, услышав его вкрадчивый голос, явно преувеличенную, притворную любезность, сразу почувствовал, что исчезли все мои доброжелательные намерения. Я убедился, что не в состоянии ему симпатизировать, и свою руку протянул, протестуя в мыслях против этой вынужденной церемонии.

– Кассилис хороший человек, – сказал Норсмаур, – он один стоит десяти!

– Я слышал, – горячо воскликнул старик, – то же самое мне говорила дочь! Ах, мистер Кассилис, вы видите, покарал меня мой грех! Я очень, очень низко пал, но меня немного поддерживает раскаяние. Мы все должны предстать перед лицом Всевышнего, мистер Кассилис! Я являюсь слишком поздно, но с искренним, клянусь, смирением на Его суд.

– Ну, затынул песенку! – грубо заметил Норсмаур.

– Нет, нет, дорогой Норсмаур! – крикнул банкир. – Не говорите этого, не искушайте меня! Вы забываете, дорогой мой, что в эту же ночь может призвать меня Господь.

Нельзя было без жалости смотреть на угнетенное состояние старика. Я сам разделял мнение Норсмаура и от души смеялся про себя, слыша увещания, которые он расточал старому грешнику.

– Бросьте, Хедльстон! – продолжал Норсмаур. – Вы к себе несправедливы. Вы человек, в полном смысле, мира сего, прошли, что называется, сквозь огонь и медные трубы раньше еще, чем я родился. Ваша совесть... выдублена как самая лучшая южно-американская кожа, и вы только забыли продубить печень, отсюда все беспокойства!

– Ах, шутник, шутник! – сказал Хедльстон, грозя пальцем. – Правда, я никогда не был ригористом, я всегда ненавидел ригоризм, но всегда оставались у меня добрые чувства. Я был нехороший человек, мистер Кассилис, я не думаю это-

го отрицать, но я испортился только после смерти жены. Тяжело вдовому жить... За мной очень много грехов, я не отказываюсь от этого, но есть же и в них мера, я надеюсь. И, если уже говорить... Ай! – крикнул он внезапно.

Его голова приподнялась, пальцы растопырились, лицо исказилось от страха, вытарашенные глаза смотрели на окно...

– Нет. Ничего нет, слава тебе Господи! Это был шум от дождя, – прибавил он после паузы с невыразимым облегчением.

Он откинул спину на подушки и несколько секунд казался очень близким к обмороку, но пересилил недомогание и волнующимся, дрожащим голосом начал снова меня благодарить за готовность стать на его защиту.

– Позвольте мне задать вам один вопрос, мистер. Хедльстон, – сказал я, дав ему договорить и успокоиться. – Правда, что при вас есть еще деньги?

Этот вопрос заметно ему не понравился, и он с неохотой ответил, что, действительно, при нем остались деньги, но весьма немного.

– Хорошо, – продолжал я. – Ведь именно за этими деньгами гонятся итальянцы. Отчего же вы им не отдаете?

– Ах, мистер Кассилис, – возразил он, покачав головой, – я хотел отдать; я предлагал, но они не денег, а крови моей требуют!

– Хедльстон, если уж говорить, то говорить всю правду! –

вмешался Норсмаур. – Вы должны сказать, сколько вы им предлагали, а предложили очень мало, сравнительно с той суммой, которая у них пропала, и из-за этого, Франк, они и требуют другой расплаты. И эти итальянцы просто рассудили. Они и остатки денег возьмут, и кровью отомстят за пропавшую остальных.

– Деньги здесь, в павильоне? – спросил я.

– Здесь, – ответил Норсмаур. – Пусть бы они лучше лежали на дне морском...

Вдруг он крикнул Хедльстону:

– Что это вы мне делаете какие-то гримасы? Или вы думаете, что Кассилис нас продаст?

Хедльстон, разумеется, ответил, что ничего подобного не могло быть у него в мыслях.

– К чему вы о деньгах спросили, Франк? – обратился ко мне Норсмаур.

– Я хотел предложить небольшое занятие до обеда, – ответил я. – Предлагаю пересчитать все эти деньги и положить их перед дверью павильона. Если придут карбонарии, пусть они деньги и возьмут. Это ведь их собственность.

– О, нет, нет! – воскликнул Хедльстон. – Эти деньги им не принадлежат. Если уж отдавать, так в пользу всех кредиторов, пропорционально их вкладам...

– Что говорить пустое, Хедльстон! – прервал его Норсмаур. – Вы этого, все равно, не сделаете.

– А моя дочь? С чем она останется? – простонал презрен-

ный старик.

– Ваша дочь в этих деньгах не нуждается. У нее два поклонника, Кассилис и я, – и оба мы не нищие, и кого бы из нас она ни выбрала, без средств не останется. Ну а что касается вас, то, чтобы покончить с вопросом, скажу, во-первых, что вы не имеете права ни на один фарсинг из этой суммы, а во-вторых, вам смерть с часу на час угрожает. Зачем же вам деньги?

Разумеется, это было жестоко сказано, но Хедльстон не внушал никакой симпатии, и хотя я заметил, как он от слов Норсмаура скорчился, все же и я решил прибавить свой удар.

– Норсмаур и я, мы готовы оказать всю свою помощь, чтобы спасти вам жизнь, но неужели вы думаете, что мы способны укрывать краденые деньги?

Старик снова содрогнулся, на лице показалось гневное выражение, но он благоразумно удержался.

– Дорогие мои друзья, – сказал он, наконец, – делайте с моими деньгами все, что хотите. Я все передаю в ваши руки. Дайте мне только успокоиться.

Мы с радостью отошли от него. Бросив около двери последний взгляд, я видел, как он положил большую Библию на колени и дрожащими руками надевал очки, чтобы приступить к чтению.

Глава VII

Повествует о том, как в окне павильона раздалось одно страшное слово

Воспоминание о том, что произошло после полудня, навсегда запечатлелось в моем мозгу. Норсмаур и я были убеждены в неминувности атаки, и, будь в нашей власти повлиять на ход обстоятельств, мы сами ускорили бы развязку критического положения. Самое худшее, что могло бы случиться, это то, что нас захватили бы врасплох, и, однако, трудно было себе представить более невыносимое состояние, чем отсрочка этой развязки. Я пробовал было читать. Хотя я никогда, что называется, не глотал книг, все же очень много читал. Однако в этот день все книги, за которые я только брался, казались мне неодолимо скучными. Даже разговор не клеился, а часы все шли да шли. То и дело Норсмаур или я подходили к окнам и долго озирали дюны или с трепетом прислушивались к шуму извне. Однако ничто не обнаруживало присутствия наших врагов.

Мы несколько раз возвращались к обсуждению моего предложения отдать итальянцам деньги. Разумеется, при большем хладнокровии мы признали бы этот план совсем

не умным, но в нашем волнении это показалось последним средством к спасению, и план был окончательно принят.

Деньги состояли частью из звонкой монеты, частью из ассигнаций, были и аккредитивы на имя некоего Джемса Грегори. Мы их собрали, пересчитали, заключили в денежную сумку, принадлежавшую Норсмауру, и составили на итальянском языке письмо с нужными объяснениями. Письмо было подписано нами обоими и содержало клятвенное уверение, что у Хедльстона после банкротства не осталось никаких денег, кроме тех, которые мы добровольно передаем. Это был самый сумасшедший поступок двух человек, думавших, что они обладают здравым умом. В самом деле, сумка могла попасть не в те руки, для которых была предназначена, и тогда не только пропали бы деньги, но мы документально были бы изобличены в преступлении, совершенном не нами. Но, как я уже сказал, никто из нас не в состоянии был хладнокровно разобраться в этой ужасной путанице, и, хорошо ли или худо, мы жаждали только скорее покончить с делом. К тому же мы были убеждены, что все холмы на дюнах наполнены шпионами, следившими за всеми нашими движениями, и потому наше появление вместе с сумкой могло привести к переговорам, быть может, даже к компромиссу.

Было около трех, когда мы вышли из павильона. Дождь перестал, и солнце светило уже приветливо. Никогда чайки так близко не подлетали к дому и не выказывали так мало боязни человеческих существ. У самого порога одна из них

чуть не задела наших голов, дикий ее крик раздался прямо в моем ухе.

– Это для нас плохая примета, – сказал Норсмаур, который, подобно почти всем свободомыслящим, далеко не свободен был от суеверий, – чайки предчувствуют, что мы оба будем убиты.

Я сделал ему легкое возражение, но лишь наполовину искреннее, так как это обстоятельство и на меня повлияло удручающим образом.

Перед домом, саженьях в двух, была полоска газона, на нее я положил сумку с деньгами, а Норсмаур махал белым платком над головой, чтобы обратить внимание врага. Никто, однако, не показался. Мы тогда стали кричать по-итальянски, что являемся посредниками, но, кроме шума морского приboя и крика чаек, тишина ничем не нарушалась. Это молчание угнетало душу. Я посмотрел на Норсмаура, он был необыкновенно бледен и нервно поворачивался во все стороны, точно боялся, что враг успеет проскользнуть в дверь павильона.

– Боже мой, – шепнул он мне, – это уж слишком!

Я отвечал тем же шепотом:

– А вдруг они все ушли?

– Посмотрите туда, – возразил он, указывая поворотом головы на подозрительное место.

Я взглянул в том направлении. В северной части леса, над деревьями, вздымался легкий дымок, совершенно отчетливо

видный.

– Норсмаур, – мы продолжали переговариваться шепотом, – невозможно, чтобы это продолжалось. Если уж погибать, то пусть это произойдет скорее. Оставайтесь тут караулить павильон, а я пойду вперед и, будьте уверены, доберусь до их лагеря.

Прищурился глаза и еще раз посмотрев кругом, он кивком головы выразил свое согласие.

Сердце мое билось как молоток, когда я быстро шел к лесу. Поначалу я чувствовал озноб и холод, теперь тело мое точно горело. Дорога была страшно неровная, на каждом шагу могли бы оказаться сотни людей, скрытых за кустами и холмами. Мне пригодилось прежнее знание местности, я мог выбрать дорогу по наиболее высоким холмам, откуда еще издали легко усмотреть врага. Скоро я был вознагражден за свою предусмотрительность. Взойдя на холм, несколько возвышавшийся над остальной местностью, я увидел саженях в двадцати пяти, человека, который, низко согнувшись, старался быстро пробежать по дну оврага. Очевидно, я открыл одного из шпионов в его засаде. Тотчас я окликнул его по-английски и по-итальянски, он же, заметив, что скрываться дальше бесполезно, выскочил из оврага и стрелой побежал по направлению к лесу.

Разумеется, я в погоню не пустился. Я узнал то, что нам было нужно, а именно, что за нами следят, и павильон в осаде, поэтому я поспешил обратно кратчайшим путем к месту,

где ожидал меня Норсмаур с денежной сумкой. Он был еще бледнее прежнего, голос его дрожал.

– Могли вы рассмотреть на кого он похож?

– Я видел только его спину.

– Знаете, Франк, войдем в дом. Я совсем не трус, но мне невозможно здесь оставаться! – проговорил он страстным шепотом.

Вокруг павильона все было тихо, и солнце мягко сияло перед закатом. Даже чайки описывали свои круги на большем расстоянии и опускались на песчаные холмы берега около бухты. Эта тишина, однако, производила более устрашающее впечатление, чем целый полк солдат с заряженным оружием, и только когда мы плотно забаррикадировали дверь, я почувствовал некоторое облегчение, и у меня прояснилось сознание. Мы с Норсмауром обменялись быстрым взглядом, и я думаю, что каждый из нас был поражен бледностью и расстроенным видом другого.

– Вы были правы, – сказал я, – все погибло! Дайте руку, старый товарищ, на прощание.

– О да, – воскликнул он, – пожмем друг другу руки, но помните, – я не хочу хитрить. Если, благодаря какому-нибудь невозможному случаю мы избавимся от этой опасности, я опять ваш враг и... тогда берегитесь!

– Ну, это уже старо, – ответил я, – и, пожалуй, надоело.

Норсмаур был точно поражен моим ответом, он молча подошел к лестнице и остановился.

– Вы меня не понимаете, – сказал он, – я не обманщик и сам оберегаю себя, вот и все. Это, может быть, и старо, и надоело вам, мистер Кассилис, но это мне совершенно все равно. Я говорю то, что мне нравится, а не то, что вам может казаться приятно или неприятно для вас. Подите лучше наверх и поухаживайте за девицей, пока еще есть время. Что же меня касается, я здесь останусь.

– И я останусь с вами, – заявил я, – неужто вы думаете, что я позволю себе воспользоваться каким-либо запретным плодом, хотя бы и с вашего разрешения?

– Франк, – ответил он с улыбкой, – это просто несчастье, что вы такой осел... Казалось бы, у вас есть все, чтобы быть человеком. Я только потом буду вашим врагом, а теперь вы совершенно напрасно стараетесь меня раздражить и вывести из себя. А знаете ли вы, – продолжал он уже мягким голосом, – ведь мы с вами два самых несчастных человека в Англии. Мы дожили до тридцатипятилетнего возраста, нет у нас жены, нет ребенка, нет никого, о ком бы заботиться, для кого, для чего жить. Бедные, жалкие мы черти! И вот теперь оба сцепились из-за девушки! Как будто их мало в Соединенном Королевстве – несколько миллионов! Ах, Франк, Франк, от всей души жалею того из нас, кто – я или вы – потеряет в этой игре. Как это говорится в писании – лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов и потопили его в глубине морской... Давайте лучше выпьем, – заключил он внезапно, но без всякого выражения легкомыслия.

Я был тронут его словами; я чувствовал, что для него они много значат, и потому согласился. Он сел за стол, налил стакан хереса и поднес его к своим глазам.

– Если вы победите меня, Франк, – сказал он, – я запью, а вы что сделаете, если победителем выйду я?

– Право, не знаю, – был мой ответ.

– Так, – сказал он, – ну что же, выпьем, а вот и тост, подходящий к случаю: «Italia irredenta»⁴.

Остаток дня прошел в той же вынужденной бездеятельности и утомительной тоске. Пришло время обеда. Я стал накрывать стол, а Норсмаур с Кларой готовили к столу хранившиеся в кухне кушанья. Проходя раза два-три мимо них, я был очень удивлен, что речь все шла обо мне. Норсмаур шутил и предлагал разные способы, чтобы Клара вернее разобралась в своих женихах, но при этом он ни слова не произнес в мое осуждение и больше смеялся над самим собой. Зная Норсмаура, я чувствовал, какую борьбу он переживает в душе, – и это, в связи с окружавшей нас трагической опасностью, взволновало меня до слез; помню мелькнула мысль, – между прочим, совершенно бесплодная, – что вот три благородных человека через несколько часов должны погибнуть из-за вора-банкира.

Перед тем как садиться за стол, я через ставни верхнего этажа осмотрел еще раз окружавшую нас местность. Наступал уже вечер. Дюны казались совершенно безлюдными и

⁴ За непримиримую Италию!

денежная сумка оставалась не тронутой.

Хедльстон, в широком желтом халате, сел за один конец стола, Клара – за другой. Норсмаур и я очутились визави. Лампы ярко горели, вино было хорошее, кушанья, хотя и холодные, оказались отлично приготовленными. Точно по молчаливому соглашению никто из нас не заговаривал об ожидавшей нас катастрофе, и, если принять во внимание нашу трагическую обстановку, мы провели обеденное время с удивительной беспечностью, даже с весельем. Правда, то Норсмаур, то я вставали из-за стола и обходили все окна, и каждый раз Хедльстон вначале сильно смущался и с тревогой осматривался кругом, но он почти тотчас наполнял свой стакан и, вытерев лоб платком, снова заводил общий разговор.

Я был удивлен его умом и обширностью знаний. Разумеется, это был недюжинный человек. Он много наблюдал в жизни, многое читал, владел, очевидно, выдающимися способностями, и хотя он нисколько не сделался для меня более симпатичным, но я мог понять его успех в жизни и тот огромный почет, которым он пользовался до банкротства. Это был вполне светский человек, владевший в совершенстве талантом занимать общество. Я его раз только в жизни и слышал, и притом в обстановке самой неблагоприятной, но все же я считаю его одним из наиболее блестящих собеседников, каких я только встречал. Он начал рассказывать с большим юмором, – и, по-видимому, не чувствуя никакой неловкости, – о проделках какой-то торговой компании, с

которой он столкнулся в юности, – а быть может, он сам в ней участвовал, – и положительно увлек нас своим рассказом, хотя все время к чувству веселости присоединялось какое-то ощущение неловкости за оратора. Вдруг беседа оборвалась самым внезапным образом.

Послышался звук, точно кто-то провел мокрым пальцем по стеклу. Мы сразу все побелели как полотно, и сидели точно парализованные, даже язык у всех отнялся.

– Кажется, это улитка? – произнес я наконец. – Я слышал, что эти животные издают довольно громкий звук, когда ползают по стеклу.

– Какая там улитка, будь она проклята! – вскрикнул Норсмаур. – Слушайте!

Тот же звук послышался еще два раза, через правильные промежутки, а затем сквозь закрытые ставни раздалось необыкновенно громким голосом итальянское слово «*traditore*»⁵.

У Хедльстона откинулась назад голова, задрожали ресницы, он без сознания упал под стол. Норсмаур и я бросились к ружьям у шкафа, Клара вскочила на ноги и обеими руками схватила себя за горло, очевидно, чтобы задержать крик ужаса.

Мы стояли, готовые к атаке, но прошла секунда, другая, третья: шла минута за минутой, а вокруг павильона была полная тишина, нарушаемая лишь однообразным гулом

⁵ Предатель!

морского прибоя.

– Живей! – воскликнул Норсмаур. – Надо скорей перетащить старика наверх, пока они не пришли!

Глава VIII

Повествует о развязке истории старого банкира

Все трое мы с большим трудом перенесли старого банкира наверх, в «дядину комнату»; он все время оставался в глубоком обмороке. Клара стала мочить ему голову и грудь, я же и Норсмаур поспешили к верхним окнам, в которых, как я уже говорил, проделаны были широкие щели, позволявшие осматривать местность вокруг павильона на большое расстояние. Небо очистилось от туч; взошел полный месяц и далеко на дюны разливал свой ясный свет. Ничего подозрительного нельзя было заметить и, если бы не неровности почвы и черневшие кусты, за которыми легко могли спрятаться итальянцы, казалось бы, что окрестности совершенно безлюдны.

– Слава Богу, Агги сегодня не должна придти, – подумал вслух Норсмаур.

Агги было имя старой няни. Очевидно, он только сейчас ее вспомнил, взглянув, вероятно, на обычную ее ночную дорогу, но и эта забота, хотя поздняя, и задушевный тон, которым она была высказана, явились для меня совершенно новой чертой в таком черством эгоисте, каким я прежде знал Норсмаура.

Мы снова находились в вынужденном, пассивном ожидании. Норсмаур подошел к камину и протянул руки к раскаленной золе, точно ему стало холодно. Я машинально следил за его движениями, выступил немного вперед и стал спиной к окну. Почти в тот же момент послышался какой-то шум: то треснуло оконное стекло над самой моей головой, и дюймах в двух от меня пролетела пуля, застрявшая в противоположной стене. Я инстинктивно подался назад, в угол за окно; одновременно бросилась туда и Клара с криком отчаяния. Она думала, что я ранен. Я старался ее успокоить, – говорил, что ее заботливость обо мне так велика, так трогательна, так приятна, что я готов каждый день и в течение всего дня подвергаться выстрелам, лишь бы в награду видеть такие проявления ее чувств, – но она долго не могла прийти к себе; к ласковым словам прибавились нежные ласки, точно мы совершенно забыли окружающую обстановку, как вдруг раздался резкий голос Норсмаура.

– Из духового ружья стреляли! – сказал он. – Извольте видеть: избегают шума...

Усадив Клару на стул, я обернулся в сторону Норсмаура. Он стоял спиной к камину, заложив назад руки с судорожно сжатыми пальцами. Дикий взгляд, знакомое, свирепое выражение лица ясно говорило о клокотавшей в его груди буре. Это был тот же взгляд, который я у него заметил, когда в мартовскую ночь он на меня бросился как дикий зверь и хотел задушить. Он смотрел прямо вперед, но все же мог нас

видеть, и ярость его способна была внезапно разразиться подобно шторму. Признаюсь, я дрожал за ближайшую минуту: перед той битвой, которая нас ожидала извне, могла еще разыгаться борьба на смерть внутри стен. Так мы простояли несколько секунд; я зорко следил за ним, готовясь к его нападению. Внезапно на лице его мелькнула перемена, точно облегчение. Он взял стоявшую за ним лампу и обернулся к нам.

– Необходимо выяснить одну вещь, – сказал он сравнительно спокойно, – кого намеревались они убить? Кого-нибудь из нас или только Хедльстона? Как думаете? Они приняли вас за него или выстрелили в первого, кто приблизился к окну?

– Я убежден, что они меня приняли за Хедльстона, – ответил я, – я почти такой же высокий.

– Вот я сейчас в этом удостоверюсь, – произнес Норсмаур с особенной твердостью.

И он медленно подошел к окну, поднял над своей головой лампу и простоял не менее полминуты, спокойно ожидая покушения на свою жизнь.

Клара было бросилась вперед, чтобы оттащить его от опасного места, но с эгоизмом, который я счел вполне извинительным, я силой ее удержал около себя.

– Да, – сказал Норсмаур, хладнокровно отходя от окна, – действительно, они ищут одного лишь Хедльстона.

– О, мистер Норсмаур! – воскликнула Клара, она не на-

шласть что сказать, но Норсмаур мог видеть, что его смелость была оценена по достоинству.

Он же со своей стороны смотрел на меня, гордо подняв голову и с выражением торжества. Я сразу понял, что он рискнул жизнью единственно с целью сместить меня с положения героя дня. Он хрустнул пальцами.

– Дело только завязывается, – сказал он, – потом, когда начнется схватка, они не будут так разборчивы.

Извне послышался громкий призыв к нам. Через щель ставни при лунном свете мы увидели человека, стоявшего с чем-то белым в протянутой руке.

Это был тот же человек, который произнес слово «предатель». Своим необыкновенно громким голосом, который через ставни проникал во все уголки павильона и мог бы быть даже услышан из леса, он объявил, что если предатель «Одльстон» будет им выдан, то остальные получат полную свободу. Если же нет, то все погибнут вместе с предателем.

– Ну, Хедльстон, что вы на это скажете? – спросил Норсмаур, обернувшись в сторону постели.

До этого момента банкир не выказывал никаких признаков жизни, и я думал, что он продолжает лежать в обмороке. Но тут он как бы сразу очнулся и в бессвязных фразах, точно больной в бреду, только умолял нас не выдать его, не покинуть... Это была самая отвратительная сцена, какую я только мог вообразить.

– Довольно! – крикнул Норсмаур.

Отворив настежь окно, он высунул голову и возбужденным голосом, забывая не только об опасности, но и о присутствии молодой леди, начал ругать посланника в самых отборных выражениях, как на английском, так и на итальянском языке, и кончил пожеланием ему уйти подобру-поздорову туда, откуда он пришел. Я убежден, что эта возможность выругаться вовсю в ту минуту, которая угрожала немедленной смертью, доставила Норсмауру высочайшее наслаждение.

В это время итальянец положил свой парламентерский флаг в карман и исчез за песчаным холмом.

– Они благородно начали войну, – сказал Норсмаур, – очевидно, все джентльмены и военные. По правде сказать, я очень хотел бы, чтобы мы могли поменяться местами, и для вас, Франк, и особенно для вас, дорогая мисс Клара. Оставили бы эту злосчастную тварь на его постели, будь с ним что будет. Что? Не смотрите так возмущенно, мы все сейчас перейдем в то состояние, которое называется вечностью. И отчего нам искренно не высказаться? Что касается меня, то если я мог бы сначала задушить Хедльстона, а затем взять Клару в мои объятия, я умер бы с удовольствием, даже с гордостью. Клянусь Богом, я расцелую ее хотя бы насильно!

Прежде чем я мог заступиться, Норсмаур грубо обнял и стал целовать отбивавшуюся от него Клару. Но тут я набросился на него с такой силой, что он сразу должен был выпустить несчастную девушку, и грузно упал, ударившись о стену. К моему удивлению, он даже не встал, чтобы на меня на-

пасть, а только захохотал. Он хохотал так громко и так долго, что мы подумали, что он лишился рассудка.

– Ну, Франк, – сказал он, когда несколько успокоился, – теперь ваша очередь. Вот вам моя рука. Прощайте, до свидания!

И, видя, что я стою неподвижно и смотрю на него с негодованием, он воскликнул:

– Эх вы, человек! Вы находите время сердиться? Неужто вы думаете, что мы и умирать будем со всеми приличными манерами, принятыми в обществе? Ну я поцеловал девицу и очень тому рад. Теперь поцелуйте вы ее, и будем квиты!

Я отвернулся с чувством презрения, которого не мог скрыть.

– Как вам угодно, – сказал он, – вы были глупым фатом в жизни, фатом вы и умрете.

Он уселся в кресло, положив ружье на колени, забавляясь взведением и опусканием курка, но я видел, что его покинуло оживленное, почти веселое, настроение, и на смену надвинулись тучи в его душу.

Во все время этой сцены нападавшие могли подойти к самому дому и начать атаку, потому что мы трое совершенно забыли об угрожавшей нам опасности. Но тут Хедльстон вдруг вскрикнул и прыгнул с кровати.

Я спросил его, в чем дело.

– Пожар! – крикнул он. – Они подожгли дом!

Норсмаур тотчас вскочил на ноги, и мы выбежали в соседнюю комнату. Она была ярко освещена зловещим красным светом. Пламя поднялось до окна, и подгоревшая ставня рухнула на ковер с бряцающим шумом. Итальянцы подожгли боковую пристройку, где Норсмаур проявлял свои фотографические негативы.

– Дело жаркое! – воскликнул Норсмаур. – Скорее назад.

Мы бросились к нашим наблюдательным постам и увидели, что вдоль всей задней стены павильона были устроены костры и притом, вероятно, политые каким-нибудь минеральным маслом, потому что, несмотря на начавшийся дождь, они не переставали разгораться. Огонь, как уже сказано, занялся с пристройки, и с каждым мгновением пламя поднималось все выше; с минуты на минуту должна была загореться задняя дверь павильона, около которой был разложен особый большой костер, уже вполне разгоревшийся; даже углы крыши начинали тлеть, – мы могли их видеть, потому что края крыши, построенной на крепких деревянных балках, далеко выступали из-за стен. При ярком отблеске огня мы посмотрели и направо, и налево, – и не заметили ни единого человеческого существа на открытом месте вокруг павильона. В эту минуту в комнату ворвались клубы горячего и едкого дыма.

– Ну, конец! – вскрикнул Норсмаур. – И отлично, слава Богу!

Мы бросились к «дядиной комнате». Хедльстон поспеш-

но надевал сапоги. Руки его дрожали, но на лице было твердое выражение решимости, какого еще я у него не наблюдал. Рядом стояла Клара, собираясь накинуть плащ себе на плечи. Она смотрела на отца в упор; взгляд ее, казалось, выражал то надежду, то мучительное сомнение.

– Ну, ребяташки, пора сделать вылазку! – вскрикнул Норсмаур. – Печку натопили как следует, сейчас сами зажаримся! Что касается меня, я предпочитаю схватиться врукопашную – будь что будет!

– Ничего больше и не остается! – добавил я.

– Ничего! – воскликнули вместе Клара и ее отец, но с совершенно различными интонациями.

Мы все поспешили вниз. Жар там был уже невыносим; в ушах раздавались гул и треск надвигавшегося огня; еле мы успели пройти мимо одного из окон, как оно рухнуло, и в комнату ворвался сноп пламени, осветившего всю внутренность павильона колеблющимся, зловещим огнем. В то же мгновение вверху рухнуло что-то грузное: очевидно, загорелся весь дом, точно коробка спичек, и с минуты на минуту грозил обвалиться над нашими головами.

Я и Норсмаур хотели броситься с револьверами вперед, но Хедльстон, который перед тем отказался взять огнестрельное оружие, нас остановил и властным жестом выдвинулся вперед.

– Пусть Клара отворяет дверь! – сказал он громким, приказывающим голосом. – Это ее предохранит от первого зал-

па, если они приготовились стрелять. Вы оба также в первый момент не выходите. Я – козел отпущения; меня осудили мои грехи!

Бледная как полотно, но владея всеми своими чувствами, Клара быстро начала разбирать баррикаду. Став за плечом Хедльстона с револьвером в руке и затаив дыхание, я мог слышать, как он быстрым, прерывавшимся от волнения шепотом произносил молитву за молитвой; должен признаться, – каким бы ужасным ни показалось мое суждение, – что тогда он мне показался еще более противным: даже в такую решительную минуту он думал о своем спасении. Тут Клара отворила дверь, придвинув ее на себя. Перед нами открылись дюны, ярко освещенные смешанным сиянием лунного света и отблеском пожара.

Хедльстон с удивительной для него силой одновременно оттолкнул назад ладонями своих рук меня и Норсмаура. Раньше, чем мы успели очнуться от совершенно неожиданного толчка в грудь, Хедльстон выбежал за порог с напряженно вытянутыми вверх над головой руками, точно человек, собравшийся нырнуть.

– Я здесь! – кричал он. – Я – Хедльстон! Убивайте меня, остальных пощадите!

Внезапное его появление, вероятно, ошеломило наших врагов, скрытых среди холмов. По крайней мере, очнувшись и взяв Клару за руки, – каждый со своей стороны, – мы успели выйти за дверь, а Хедльстон – отбежать довольно далеко,

а они не подавали еще признаков жизни. Но едва мы спустились с крыльца, спеша к Хедльстону на помощь, как с разных холмов вспыхнуло десять-двенадцать огоньков, и одновременно раздались выстрелы. Хедльстон зашатался, простер руки вперед и навзничь упал в траву.

– Traditore! Traditore! – закричали невидимые мстители.

В эту же минуту как раз с воспламенившегося со всех сторон дома с ужасным треском и шумом скатилась часть крыши, и к небу взвился огромный столб огня.

Его должны были увидеть с моря миль за тридцать и далеко от берега до пика Грейстиль – самой высокой восточной оконечности Каульдерских гор.

Глава IX

Повествует о том, каким образом Норсмаур осуществил свое мщение

Я не в состоянии описать то, что последовало за трагической минутой смерти Хедльстона. Все в моих воспоминаниях тут смешалось, как мучительные и беспорядочные перипетии кошмара. Клара, помнится, глухо вскрикнула и упала бы, если бы я и Норсмаур не поддержали ее бесчувственное тело. На нас никто не напал – я не мог бы этого забыть; никого даже мы не видели. Мы бежали, охваченные, вероятно, паническим страхом, с Кларой на руках; помню, я держал ее то один, то вместе с Норсмауром, то силой отбивал от Норсмаура дорогу для меня ношу. Как мы добрались до леса и разыскали мою пещеру, это совершенно исчезло из моей памяти. Первым ясным моментом мне рисуется следующий: Клара в обмороке лежит около самой палатки, а мы с Норсмауром боремся, упав оба не землю, и он с немой яростью бьет меня по голове рукояткой своего револьвера. Он два раза ударил меня по черепу, – очевидно, до крови, – и от этой, вероятно, небольшой потери крови прояснилось мое сознание. Я схватил его руку с револьвером.

– Норсмаур! – проговорил, помню, я. – Вы потом меня убьете. Сперва спасем Клару!

В эту минуту Норсмаур имел надо мной верх. Однако как только он услышал мои последние слова, тотчас вскочил на ноги и бросился к палатке. Схватив бесчувственную Клару, он прижимал ее к сердцу и осыпал поцелуями и ласками.

– Стыдно! – кричал я. – Норсмаур, стыдитесь!

И, несмотря на сильное головокружение, я подбежал и начал его бить кулаками по плечам и голове.

Он оставил свою добычу и, взглянув на меня в упор, проговорил:

– Вы были подо мной. Я мог вас убить. Я вас отпустил, а вы на меня снова напали, ударили! Подлец!

– Сами вы подлец! Хотела бы она ваших поцелуев, если бы могла их чувствовать? Она возмутилась бы! И теперь она так долго в обмороке, что может сейчас умереть, и вы губите дорогое время, да еще злоупотребляете ее беспомощностью. Отойдите! – крикнул я. – Я должен ее спасти!

Он на мгновение побелел от гнева и чуть на меня не ринулся, но вдруг отошел в сторону.

– Делайте, что хотите! – проговорил он тихо.

Я бросился на колени перед Кларой и поспешно, как только умел, начал расстегивать ее платье и лиф, но не успел еще окончить, как почувствовал, что Норсмаур схватил меня за плечо.

– Прочь от нее руки! – крикнул он с остервенением. – Думаете, что у меня больше нет крови в жилах?

– Норсмаур! – прокричал я в ответ. – Вы сами ей не по-

могаете и мне мешаете, что же мне остается – вас убить?

– Вот это лучше! – продолжал он тем же криком. – Пусть она тоже умрет с нами. Прочь от нее! Выходите на бой!

– Вы заметьте, – сказал я, поднимаясь на ноги, – что я даже не поцеловал ее!

– Не посмели! – продолжал Норсмаур.

Не знаю, что со мной сделалось. С одной стороны, я не побоялся угрозы Норсмаура; с другой – не решился расцеловать мою дорогую Клару со всей глубиной моего чувства. Я медленно опустился на колени перед ней и, не обращая на Норсмаура никакого внимания, освободил ее лицо от рассыпавшихся в беспорядке волос и тихо, с глубокой почтительностью, приложил на мгновение свои губы к ее холодному лбу. Это была нежная ласка, которую мог бы оказать только отец своей дочери, а не мужчина, которому угрожала немедленная смерть, – женщине, почти мертвой.

– Теперь, мистер Норсмаур, – сказал я, вставая, – я к вашим услугам!

Тут, к великому моему изумлению, я заметил, что он стоит, отвернувшись от меня.

– Вы слышали? – спросил я его.

– Слышал, – ответил он негромко. – Если хотите биться, я готов. Если не хотите, идите, помогайте Кларе. Мне все равно.

Я не заставил его повторять два раза. Опустившись на землю перед Кларой, я снова старался оживить ее. Она все

еще оставалась неподвижной, бледной, без чувств. Я начал думать, что нежная ее душа уже отлетела, сердцем моим овладело чувство ужаса, полного отчаяния. Тихим голосом с самыми нежными интонациями я звал Клару по имени; я согрел и сжимал ее руки в своих, часто и слегка бил их; положил ее голову совсем низко, чтобы облегчить кровообращение, но все было напрасно: ресницы ее по-прежнему оставались неподвижными.

– Норсмаур, – окликнул я. – Вот моя шляпа. Ради Бога, зачерпните в нее воды из ключа и давайте сюда скорей!

Через несколько секунд он был уже около меня с водой.

– Я налил ее в свою шляпу, – сказал он, – вы не ревнуете?

– Норсмаур... – начал было я, продолжая поливать водой голову и грудь Клары, но он дико меня оборвал.

– Молчите! Ничего не говорите!

Разумеется, разговаривать у меня не было никакой охоты, и я, поглощенный мыслями о дорогой моей голубке, молча продолжал ее оживлять водой. Хотя Норсмаур принес полную шляпу воды, но она скоро вся вышла. Не оборачиваясь, я снова протянул шляпу и сказал только одно слово:

– Еще!

Норсмаур тотчас же принес снова воды и потом еще несколько раз, пока наконец Клара не раскрыла глаза.

– Ну, – сказал Норсмаур, – теперь, надеюсь, вы можете и без меня обойтись? Желаю вам доброй ночи, мистер Кассилис!

С этими словами он быстро удалился, а я поспешил развести огонь, чтобы Клара скорее согрелась. Я не боялся итальянцев – они, как я видел, не взяли ни одной вещицы из моего скромного имущества в палатке.

Согревшись около костра, успокоенная моими словами и тихими ласками, Клара стала мало-помалу приходить в себя, овладела своими мыслями и даже почувствовала, что физическая ее слабость проходит.

Уже рассветало. Вдруг из чащи кустов, за пещерой, слышалось резкое восклицание, вроде призыва. Я вскочил с земли и услышал голос Норсмаура, на этот раз совершенно спокойный:

– Идите сюда, Кассилис, и только вы! У меня есть, что вам показать.

Я посоветовался глазами с Кларой и, получив ее немое разрешение, вышел из палатки.

На некотором расстоянии стоял Норсмаур, прислонясь спиной к стволу дерева. Увидев меня, он молча повернулся и пошел по направлению к морю. Я догнал его только у опушки леса. Он остановился и сказал:

– Смотрите!

Я сделал еще шага два вперед, чтобы выбраться из последней листвы. Ясный и холодный свет утра озарял знакомую мне местность. От павильона осталась лишь черная развалина: крыша провалилась внутрь стен, один угол дома свалился наружу; там и сям поверхность дюны точно зарубцевалась

небольшими, разбросанными черными пятнами обгорелой травы. В неподвижном утреннем воздухе все еще взвивались струи густого дыма, и во многих местах между остатками голых стен тлели еще кучи, точно горячие угли в открытой жаровне. Я взглянул на море. Совсем близко от берега стояла яхта; от нее на всех веслах спешила к берегу шлюпка.

– «Красный Граф»! – вскрикнул я. – Опоздал лишь на двенадцать часов!

– При вас револьвер, Франк? – спросил холодно Норсмаур. – Он в кармане?

Я машинально направил руку в карман и почувствовал, что страшно побледнел. Револьвер пропал. Очевидно, его украли.

– Вы видите, что вы в моих руках! – продолжал он тем же тоном. – Я обезоружил вас ночью, когда вы ухаживали за Кларой. Теперь, утром – вот: получите его! Без благодарностей! – крикнул он, простирая руку вперед. – Я их не люблю. Пожалуйста, избавьте!

И он пошел к морю встречать шлюпку, а я следовал за ним, шагах в двух позади. Когда мы проходили мимо павильона, я остановился, стараясь глазами отыскать место, где упал и, быть может, лежал еще Хедльстон, но нигде не видно было трупа, не осталось даже признаков пролитой крови.

– Граденская топь! – напомнил Норсмаур.

Он продолжал идти впереди, пока не дошел до начала бухты.

– Пожалуйста, дальше не ходите! – сказал он. – Быть может, вы хотели бы ее поместить на первое время в моей Граденской усадьбе?

– Благодарю вас, – ответил я. – Я попробую ее устроить у знакомого священника в Граден-Уэстере.

Шлюпка подошла к берегу; из нее выпрыгнул матрос.

– Минутку подождите, ребята! – крикнул Норсмаур и затем, обернувшись ко мне, тихо сказал: – знаете, обо всем этом лучше ей не говорить.

– Напротив! – воскликнул я. – Я все передам ей до мельчайших подробностей: она должна знать все, что я сам знаю.

– Вы меня не понимаете, – возразил Норсмаур с чувством достоинства, – я думал, что это просто лишнее: она должна была этого от меня ожидать. Прощайте!

Он кивнул мне головой. Я протянул ему руку.

– Простите! – сказал он. – Это, конечно, мелочь, но я не в состоянии больше выносить наши неестественные, фальшивые отношения. Уж не думаете ли, что я могу прикинуться? Что когда-нибудь, убеленный сединами, как усталый скиталец, я присяду у вашего домашнего очага, и прочее? Нет, этого никогда не будет! Твердо надеюсь, что никогда более не увижу ни вас, ни ее!

– Норсмаур!.. Да благословит вас Бог! – воскликнул я горячо, от всей души.

– О да, конечно.

Это были последние его слова. Он быстро спустился к бух-

те и подошел к шлюпке. Поджидавший матрос протянул ему руку, чтобы помочь сойти в лодку, но Норсмаур ее отстранил и сам прыгнул на скамейки. Тотчас он сел к рулю, взял румпель в руку и твердо скомандовал отчалить.

Я машинально следил за быстрым ходом шлюпки, за размеренным, точно тиканье часов, скрипом весел в уключинах.

Шлюпка была еще на полпути от «Красного Графа», как из моря выглянуло восходившее солнце.

Еще одно слово, и рассказ мой будет кончен. Несколько лет спустя Норсмаур был убит, сражаясь добровольцем за освобождение Тироля в рядах Гарибальди.